

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Московец Михаил

Даль

Михаил Евгеньевич Московец

Даль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64698687

SelfPub; 2021

Аннотация

Попав в незнакомое место, все мы ощутим тоску. Повстречавшись с незнакомыми людьми, все мы ощутим смятение. Позабыв прошлую жизнь, все мы ощутим тревогу. Содержит нецензурную брань.

Михаил Московец

Даль

Деревья. Вокруг только уродливые деревья. Стволы покрыты морщинистой корой.

Я один вижу это? Ничего живого, кроме жалкой растительности. Где же звери? Не знаю. И тот парень не знает. И девушка. И остальные.

Он мысленно всколыхнулся, но лицо сохранило холодное безразличие.

Почему мы здесь?

Мозг настороженно бередел последние воспоминания. И раз за разом возвращался к тому, как открываются глаза в кузове. Раньше – ничего.

Может, потом вспомнится, по ходу. Я еще не проснулся нормально. Для чего-то же меня везут в грузовике. И куда-то везут.

Он поморщился и огляделся по сторонам.

Да наплевать. Одна глушь.

Грузовичок вразвалочку катился по ухабам и едва не разваливался. Все молчали. Три парня и три девушки. Еще двое водителей.

Тянущуюся излучину леса накрывал молочный туман, едва пропускающий дневной свет.

Деревья оттого и уродливые, видимо. Да и все тут какое-то уродливое.

Воздух странный: вдыхаешь, но почему-то не можешь надышаться, как при малом количестве кислорода. Вдыхаешь и вдыхаешь, а ощущение удушья не пропадает.

Ранние сумерки. Светило стояло невысоко и собиралось вскоре опускаться за горизонт. Возможно, еще до прибытия людей.

Прибытия куда?

Подкрадывающийся конец дня убаюкивал, и некоторые пассажиры невольно зевнули.

– Скоро прибудем, – крикнули из кабины.

Ответа не последовало.

Так, что было вчера? И было ли вчера?

Однообразно мелькающие деревья, чуть ли не одной высоты. Как братья.

В животе что-то заурчало, и в безмолвной тишине это урчание разнеслось по всему кузову. Пассажиры промолчали.

Как прибудем, надо бы поесть. Только не эти чертовы деревья, не деревья.

Люди сидели, потупив взоры. Каждый, очевидно, пытался разобраться с прошлым. Их головы покачивались в такт машине.

Грузовик замедлил ход и начал плавно поворачивать. Сидевшие в открытом кузове оживились, разминая затекшие конечности, но не проронили ни слова, сохраняя те же угрю-

мо-озадаченные выражения. На языках крутились одинаковые вопросы.

Вдалеке возник дом, каменно-серый, с выцветшей кирпичной крышей. Несколько сотен метров отделяли его и грузовичок, и удивительно, что он был виден в такой туман.

Должно быть, громадная махина.

Тарахтящая машина подъезжала, снижая ход.

Два этажа. Дом вытянуто-прямоугольный, унылый и неприглядный, похожий на наспех поставленный сарай. Венчался он покатою острой крышей, на краю торчала железяка. Может, раньше там даже крутился флюгер. На втором этаже – непропорционально большое для стены окно, точно око мертвого здания. Посеревшая и высохшая с годами рама вгрызалась в серый камень из последних сил.

Грузовичок развернулся и остановился у ветхого крылечка, напоследок шумно рывкнув выхлопной трубой.

– На выход.

Двое водителей неспешно вылезли из кабины и с разных сторон обошли кузов. опустив бортик, они отошли в стороны, выпуская пассажиров.

– Ваш дом, – гулко объявил один из них, а другой уже поднялся на крыльцо, проскрипев каждой ступенькой.

Затем – тишина. Какая-то обитель безмолвия.

Он огляделся на месте и не услышал даже звериного крика.

В таком беззвучии сотворился наш мир. Черт, куда меня

несет? Какая мертвечина. Жутковато, когда вокруг нет звуков. Прямо как в глубокой пропасти.

Поднявшийся по ступенькам провожатый дернул облезшую ручку и распахнул деревянную дверь; всем прибывшим показалось, что наружу вырвалось измученное облако пыли.

Это просто дверь. Не переживай. Это просто дверь.

Он опять оглянулся в смутной надежде. Быть может, увидеть маломальские отголоски жизни.

Прибывшие толпились на улице, озираясь и невольно прижимаясь друг к другу. Они будто искали какого-то спасителя или верили, что вот сейчас проснутся в своих кроватях, облегченно выдохнув после необъяснимого кошмара. Но пока на них глядели грозные взоры провожатых.

– Заходите в дом.

Парень шагнул. За ним девушка. Еще одна. Еще один.

– В дом, – приказал оставшийся у кузова.

Двое не дернулись с места. Только сейчас он увидел, что глаза у девушки влажные и мечутся по сторонам.

– Нет.

Он выдержал взгляд провожатого.

– Черт с вами! Стойте, где хотите.

Тот сделал пару шагов вперед, очевидно, приготавливаясь к реплике.

– Вы остаетесь здесь! – заорал он. – Навсегда. Каждый из вас здесь погибнет. Миритесь с этим, как хотите. Мне на вас наплевать. Всем на вас наплевать. Вы сами по себе, радуй-

тесь.

Вернулся к машине и добавил:

– Теперь можешь стоять где угодно.

Недооцененный талант.

Хлопнул дверцей кабины. Из дома выскочил его напарник.

– Любит он наговорить лишнего, – прошептал тот. – С вами свяжутся.

– Мы должны тут жить?

– Да.

– Это игра какая-то?

– Нет.

Да. Точно игра.

Протянутая рука указывала на дом. Глаза сверлили второго водителя, который уже залазил в кабину. Звон дверцы. Гулко запыхтел старенький мотор. Колеса чуть забуксовали в грязи, разворачивая машину. Через пару мгновений уезжавшие посигналили на прощание.

Издеваются.

Он повернулся к девушке. Та тихо всхлипывала, от растерянности даже не закрыв лицо руками.

Жалкое создание.

– Пойдем ко всем.

Вместе лучше. С чего бы это?

Девушка очнулась и побрела в дом. Войдя, она остановилась в нерешительности, оглядывая всех и ища место, но

прошла всю комнату поперек и скрылась в проеме. Раздались рыдания.

Он вошел внутрь, и под ним негодуяюще скрипнула половица: лишь скрип слышится в этой местности.

Большая простенькая комната. Одна из девушек сидела на уголке запыленного ковра перед грязным камином, обняв худые колени. Она обернулась на вошедшего с какими-то дикими глазами. И через мгновение снова уставилась на заднюю стенку камина.

Вторая уселась в кресло, поджав ноги и прижавшись к спинке. Слева от двери прямо под двумя крюками сидел, закрыв глаза, парень. Ноги его безобразно распластались по полу.

Из дальней комнаты послышался скрежет, но никто и бровью не повел. Опять тишина.

Он развернулся в проеме и вышел прочь.

Внутри мерзко. Мы здесь останемся навсегда? Полный бред.

Присел на крыльце, облокотившись на покосившиеся перила.

Не дул ветер. Не пели птицы. Каждое последующее мгновение в точности повторяло предыдущее. Время текло без цели, без малейшего стремления. Тихий ужас витал над головами новоприбывших обитателей дома.

К черту все. Кто-то явно шутит над нами. Безжалостно и жестоко.

Чувства перебивали все мысли. Лишь тревожное смятение – людям больше ничего не досталось. Только тревога. И смятение.

Почерневшая от огня стенка камина пленила девушку. Глаза таращились туда, отпуская разум в астральный полет. Спасение в небытии. Ее нет и никогда не было: она – проекция в неправдоподобной плоскости этой реальности.

У второй текли слезы. Соленые ручейки оставались на спинке облезлого кресла. В нем тепло и уютно. Уютно в глуши, где ты не знаешь себя.

Треск с кухни. Подавив эмоции и прислушавшись к остаткам рассудка, один из прибывших осмотрел кухню, но не нашел ничего утешительного. Хоть малейшей подсказки. Обычная утварь да бутылки с водой вдоль стены, куча консервов. Он взял одну и, расковыряв складным ножом, съел, хотя есть совсем не хотелось. Злоба только усилилась, и пустая жестянка полетела в виноватую стену. Тут же он ощутил, как организм отторгает еду, и едва успел склониться над раковиной. Его вырвало. Потом снова. Желудок уже опустел, но многочисленные позывы продолжали сковывать, высасывая жижу. Наугад он запрокинул руку и попал на рычаг крана, дернул его. Кран прохрипел, прогудел, и оттуда полилась ржавая вода, хилой струйкой смывающая человеческие отходы. Обессиленный человек уперся ладонями в края раковины и наблюдал мокрыми от напряжения глазами. Развернулся, прошел до стола и, небрежно отодвинув стул, бухнул-

ся в него, закрыв лицо руками. Безумно хотелось пить.

Спустя время кто-то прошел мимо легкой поступью. Почти сразу – еще.

Жесткий пол. Затекла спина. Девушка у камина поднялась. Клонило в сон. Она не видела ничего впереди себя, но каким-то образом добралась до постели. Ее порыв подхватила вторая с кресла. Она резко подскочила, как с иголок, и, вытирая глаза на ходу, побрела следом.

Снаружи хоть было чем дышать. Аккуратно облокотившись на перила, он прикрыл глаза и тут же провалился в неглубокий сон, полный пустоты. Проснулся из-за ноющей спины и совсем забыл, где находится. Однако память мгновенно вернулась, подсказав, что он брошен с незнакомцами.

Надо поспать.

Глубокий зевок. Он встал и чуть сгорбленный вошел внутрь. Никого не было.

Черт, может, и нет никаких незнакомцев.

Он огляделся в недоумении. На крючках висели куртки. Нижняя губа непроизвольно задергалась, но ноги спасительно понесли дальше – сквозь комнату, кухню, по лестнице наверх, к трем спальням, в одной из которых было место и для него. Упав на кровать, он покорно отдался сну.

Глаза раскрылись. Выспался. Отчего-то казалось, что заснул он точно в той же позе, в которой и проснулся. Вторая кровать пустовала. Он сел и протер глаза.

Это не сон. Сны не длятся так долго.

Тишина. Ни один звук не доносился до ушей.

Может, и нет тут никого, кроме меня.

Он нехотя встал и побрел вниз по лестнице. В кухне он впервые заметил грудку консервов. Есть не хотелось, хотя неизвестно, когда желудок последний раз переваривал пищу. За столом сидел парень – тот, которого не было вчера в гостиной. Он безучастно резал острием ножа столешницу. Как только вошел гость, он бросил взгляд в его сторону.

– Что ж... – начал тот зачем-то.

Долгое молчание.

Говорил бы уже.

Тишина хладнокровно вошла в следующую степень. В обреченность. Гудение кровотока в ушах рвалось наружу. Сильнее и громче. Оно заполонило уже всю кухню.

– ...нам надо как-то жить дальше.

Слова потонули в нарастающем гудении. Тело сковало. В глазах рябило, как в калейдоскопе.

Так сходят с ума, да? Что он сказал?

Внезапный треск спугнул сумасшествие. Говоривший обернулся в сторону гостиной.

Муторное оцепенение отступало. Сердце бойко колотилось.

Говоривший встал из-за стола и направился на звук. Второй сделал то же самое.

– Что случилось?

– Часы упали.

– У нас были часы?

– Они не работали.

На полу около шкафа валялся круглый белый циферблат, рядом – осколки стекла. Короткая стрелка едва отползла от шести. Длинная – застряла на подступах к четырем.

Все столпились около шкафа. Инстинктивно. Ведь вместе лучше.

– Что ж, – снова начал парень и оглянулся на склоненные головы, – теперь это наш дом.

Раздалось робкое всхлипывание.

– Что нам делать? – спросил кто-то.

– Жить дальше.

– Как?

Скрипнуло кресло.

Ноги сами понесли к нему. Там, подогнув свои, сидела девушка. Которая вчера убежала наверх. Он присел на пол, облокотившись спиной на стену. Она подняла голову. Глаза были влажные, но она не вытерла их рукой. Из маленького рта вырвался неопределенный звук, отдаленно напоминающий выдох.

– Мне кажется, что у меня была семья.

Но голос изменил ей и взвинулся вверх. Девушка тихо откашлялась.

Эти пугливые и потерянные глаза. Бедняжка. Она бы не выжила без семьи.

– Была семья.

Фраза по буквам выползала из потрескавшихся губ. Они твердили ее, как мантру. Наверно, это действительно помогало.

– Возможно, и у меня была семья.

Глаза пробежались по комнате и замерли на разбитых часах.

Как просто – взять осколок побольше и перерезать себе вены, а затем проснуться от этого кошмара.

– Большая и дружная. Думаю, я сильно ее любил.

Нет, ни за что нельзя. Я должен остаться.

– И она меня любила. Твоя семья тоже тебя любила.

– Да?

– Точно.

Ее омраченное лицо немного преобразилось, губы искривились в жалком подобии улыбки. Ему тоже стало лучше. Начинаешь чувствовать себя живым человеком, когда рядом семья. Или хотя бы ее воспоминание.

– Может, с этим знанием нам будет легче жить дальше.

– Может быть.

Он огляделся. У валяющегося циферблата сидел говоривший. Вокруг не осталось никого.

Как забавно, что после его слов все разбежались. Испугались. Им еще рано.

Он задрал голову вверх и увидел грязное окно.

Через него хоть что-то видно?

Любопытство подняло тело. Все в пыли. Если присло-

ниться, можно разглядеть деревья. И только. Сразу же зачесалось в носу. Чихнул.

– Будь здоров.

– Да, будь.

– Спасибо.

Ладонью он провел по стеклу: остался протяжный чистый след, пускающий в комнату немощные лучи светила.

Пыль на ладони была мягкой, как шелк. Глаза замороженно оглядывали каждую крупницу этой природной памяти. Пальцами другой руки он растер ее, точно припоминая что-то. Неявная ассоциация витала на языке, но не давалась. Улетела. Он обреченно поднял голову, заглядывая в очищенную полосу на стекле. Стряхнул руку и протер еще. И еще. И еще. Серая пыль скопилась по краям. Однако в окне виднелись только деревья.

Надо отмыть руки.

Он зашагал напрямик к раковине. Дернув кран, он спиной почувствовал, что кто-то сидит за столом. Кран прохрипел и изрыгнул ржавый поток.

До ушей донеслось противное трение. Обернулся. Говоривший резал боковину дверного проема ножиком. Влево-вправо. Влево-вправо.

– Две зарубки, два дня.

Одна над другой зияли глубокие насечки. Первые ступеньки бесконечной лестницы.

– В доме нет дров, а вчера перед сном было прохладно.

Придется рубить.

Он развернулся и направился к выходу, попутно захватив с крючка первую попавшуюся куртку.

Из-за стола кто-то шумно подорвался.

– Я помогу, – мужской голос стянул куртку следом и исчез.

Кухня стала пустынной, и он впервые осмотрелся. Свисающая с потолка убогая лампочка едва давала свет. Тусклые лучи освещали неказистую столешницу, припертую к стене и снизу поддерживаемую убогими квадратными тумбами. На уровне головы висели прямоугольные шкафчики. Цвет невозможно было разобрать. Все было в пыли. Он провел рукой по дверце верхнего шкафчика.

Цвет ореха. Не помню какого. Пыль – это останки человеческой кожи. Кто-то смотрел в то окно. Кто-то наблюдал за ореховыми дверцами. Быть может, давно или совсем недавно. Выходит, мы не первые люди в этом крае. Природа должна знать, как с нами обходиться. Она не даст нам погибнуть.

Напротив столешницы стоял железный четвероногий стол с придвинутыми стульями. Чистой ладонью он провел по его поверхности: тонкая кожа ощутила мелкие рубцы и впадины. Пыли здесь уже не было, успели стряхнуть.

Послышался скрип половиц, и он усмехнулся, поймав себя на мысли, что от скрипа становится спокойнее. Он привык к нему, как начинал понемногу привыкать ко всему окружающему.

В животе заурчало. Не ел он, наверно, больше суток, и

организм начал сигнализировать о помощи.

Значит, нервы уgomонились. Чудно.

На столе и столешнице не оказалось чего-то пригодного для открывания консервов.

Должно быть, нож забрал тот. Ножом, что ли, дрова рубит?

Он порылся к ящикам. Открывая их один за одним, он видел скудную кухонную утварь – пару ложек, вилок, мутных, покрытых слоем несмываемой грязи; несколько кружек, давно потерявших цвет; тряпки с заскорузлыми краями; прямоугольные деревяшки и запыленные куски облицовочной плитки; повстречалась даже наполненная чем-то бутылка. Наконец показалась темная рукоятка с лезвием.

Он проверил подушечкой пальца: тупое, хотя кожу, наверно, проткнет. Взял жестянку и вогнал лезвие в верхнюю часть. На удивление, оно довольно проворно отковыряло крышку. Запрокинул банку, вываливая содержимое в голодный рот. Желейную массу разбавляли куски шинкованной говядины. Вряд ли отборной, но пойдет. Он неприятно ощущал, как все пережеванное опускается по горлу до изголодавшегося желудка. Затем запрокинул снова, вывалив оставшееся.

Золотистая этикетка, синее окаймление. Неплохо постарались для брошенных. Наверно, та девушка тоже хочет.

Лезвие проворно повторило операцию.

Она по-прежнему сидела в кресле, уставившись в окно.

– Хочешь поесть?

Резко встрепенулась.

– Да.

В гостиной никого больше не было.

– Никто не приходил?

– Нет.

Она неаккуратно запрокинула жестянку, и часть мяса полетела мимо рта, на штаны. На них было темное пятно. Рядом – кисть, плотно сжатая в кулак. Изнутри тек красный ручеек. Взгляд его метался с пятна на кулак, устанавливая причинную связь.

Она еще раз запрокинула жестянку. Ручеек спокойно стекал по коже.

– Это что?

Ее словно молнией сразило. Мгновение – и она повернула к нему заплаканное лицо. Подбородок задрожал. Она опустила глаза на кулак и раскрыла его.

– Я хотела... – и замолчала, а слезы капали рядом с кистью.

На трясущейся ладони лежал кусок стекла, небольшого, но острого. Его края изрезали все линии жизни.

– Хотела порезать себя?

Она едва слышно всхлипнула. Он стоял в злой растерянности. Неаккуратным движением выхватил стекляшку и бросил в разбитую грудь. Тот раскололся на еще меньшие осколки.

Бордовая кровь вытекала из рваных бороздок женской ладони.

Черт, делать ей нечего? Вздумала угробить себя – ага, сейчас.

В голове гнев перемежался с заботой. Кляня ее, он все равно соображал, как помочь. Внезапно пронеслась мысль о тряпках – и тело его оказалось на кухне.

Они грязные, вода ржавая. С чем была бутылка?

Руки действовали инстинктивно, не было времени обдумывать. Они открыли нижний ящик и вынули прозрачную с пятнами бутылку. Открутили тугую крышку, и изнутри вырвался едкий аромат. Потом схватили ножик и отрезали нижнюю часть футболки.

Она почище тех тряпок.

Вылили жидкость на ткань. Ноги понесли обратно.

Девушка сидела в той же позе и не отрывалась от окровавленной руки.

– Будет больно.

Он опустил ткань на ладонь. Девушка пискнула, но на большее не решилась. Чувство вины задушило все иные ощущения. Он обмотал ткань вокруг раны и коряво завязал.

– Не надо было этого делать.

Виноватые глаза глянули на него.

– Позже поменяю повязку.

Слезы капали на штаны.

– Я не хотела...

– Тихо.

Он держал ее за руки, мысленно ругая.

Понятно, что слабая, понятно, что хочется вырваться из кошмара, но зачем резаться? Больная. Только проблем бы больше стало.

– Тише.

Он обернулся на разбитую кучу у шкафа.

Надо убрать от греха подальше, а то найдется еще один желающий.

Он дернулся в сторону, и девушка тут же выпрямилась, не поднимая головы.

Где-то в кухне должно быть ведро.

И действительно, в одном из нижних тумбочек стояло невысокое ведерко с грязным дном. Он вернулся в гостиную. Пальцы аккуратно хватали стеклышки и скидывали в общий котел. Тут он заметил, как прозрачное стекло окрашивается в алый.

– Да чтоб тебя, ну естественно.

Он склонил голову, встал и вернулся в кухню. Открыл бутылку и вылил жидкость на пальцы. Жжет. Показались две горизонтальные полоски на подушечках указательного и среднего пальцев. Через них медленно сочилась кровь. Он соображал. И не сообразил ничего лучше, как окатить из бутылки всю ладонь и плотно прижать подушечки к выпуклой мышце большого пальца. Затем вернулся и закончил начатое.

Вроде все.

На него пялился белый циферблат с застывшими стрелками.

А что же делать с тобой?

Почему-то совсем не хотелось с ним расставаться. Он поднял круг и огляделся, выбирая подходящее место.

– Можно на камин, – робко предложила девушка.

Он послушался, поставив его на выступающий бортик.

– Выкину осколки.

И вышел наружу. Воздух казался менее спертым в сравнении с домашним. Лес покрывал все тот же мутный туман, препятствующий светилу. Он повернулся в сторону чащи и сделал только пару шагов, громыхая ведром, как наткнулся на лесорубов. Те укладывали топоры в прямоугольный деревянный ящик, подпиравший стену дома и бывший, видимо, лежачим сараем. Рядом лежала кучка дров. Лбы у вернувшихся были мокрые, на спинах – темные влажные полосы.

– Что несешь?

– Разбитое стекло.

– Правильно.

– Что внутри?

– Пара топоров, лопата, длинная бечевка. Еще ведро помятое. Почему стекла красные?

– Одна из девушек порезалась.

– Сильно?

– Ага. Я и сам порезался, когда убирал.

– Тогда выкинь скорее эту дрянь.

– Лучше закопаю.

Он взял лопату и, как мог, захватил пару раз землю у края чащи. Вытряхнул туда стекло и засыпал, притоптав ботинками. Те двое устало наблюдали за его действиями. Потом он кинул лопату обратно в ящик, положил в опустевшее ведро пару дров, взял несколько подмышку и пошел в дом. Лесорубы направились следом.

Они шумно скинули принесенное около камина.

– Ну и работка, – сказал один и заметил обмотанную руку девушки: – Ты аккуратнее со стеклом.

Она промолчала, не поднимая глаз. Все трое мужчин ушли на кухню за водой. Лесорубы умылись под краном.

– Случайно она?

– Нет. Сжимала осколок. Видимо, хотела порезаться, но не смогла.

– Еще трупа нам не хватало.

Говоривший подставил голову под струю и повертел ей.

– А где еще две?

– Я их не видел.

– Ладно.

Следом умылся второй.

– Надо бы зажечь дрова.

– Есть нечто вроде спирта, можешь им плеснуть.

– Где?

– Под раковиной.

Тот достал бутылку и открыл крышку.

– Ну и вонь же, а!

– Похоже на спирт.

– Ну да, немного. Спичек не было?

– Я не все проверил. Должны быть, раз есть камин.

Коробок оказался в верхнем ящике.

Трое вернулись в гостиную. Первый лесоруб принялся раскладывать дрова.

– А бумага есть?

Мужчины оглянулись. На верхних полках шкафа запрятались несколько томиков. Крайний почти свалился, но из последних сил упирался в собратьев. Все книги были темно-синего цвета.

– Вон стоит.

– Нет! – вскрикнула девушка. – Кто-нибудь прочтет их.

Все замерли в замешательстве.

– Кто?

Она соображала.

– Кто-нибудь... Я прочту.

– Но для огня нужна бумага.

– Не жгите страницы, – она подняла лицо, готовая вновь зарыдать.

– Можно содрать кору и поджечь.

– Можно.

– Наверняка книги пригодятся.

– Ладно.

Лесоруб оторвал куски коры и, отложив один, сунул под поленья. Сложил их домиком. Чиркнул спичкой о коробок, взял отложенную кору и свел их. Воспламенения не случилось. Спичка потухла. Он зажег еще одну – снова неудача.

– Давайте с разных сторон.

Три спички. Лишь виновато чернели, осознавая свою никчемность. Внезапно задымился один из краев. Искра – и огонь принялся уничтожать материю. Кору аккуратно подложили под домик. Неторопливое пламя разносилось по поленьям. Три зрителя заворуженно наблюдали. Вскоре дрова уже трещали в грозных оранжевых языках, и что-то отзывалось глухим эхом в сознании, неявное воспоминание, смутное, как нависающий над лесом молочный туман. Казалось, чем дольше наблюдаешь за танцами огня, тем глубже погружаешься в себя.

Раздался скрип со стороны кухни.

Лестница.

Мужчины разом обернулись. Из проема показалась девушка. Через мгновение – еще одна.

– Где вы были?

– Наверху, – вошедшая первой сконфузилась. – Отдыхали.

– Надо перекусить, – два лесоруба переглянулись.

– Ага.

Они скрылись в кухне. Донесся скрежет металла о металл, короткие реплики. Затем они вернулись, решив, очевидно,

есть при всех. Почти синхронно запрокинули жестянки и вместили по половине содержимого в рот.

– Итак, никто своего имени не помнит, – начал все тот же оратор. – Кажется, нам стоит придумать новые.

Что же ему так жить хочется? Прямо лезет с идеями.

Пленительно было смотреть на огонь. Разум отстранялся от тела и подлетал к пламени все ближе, заглядывая в его жаркие глаза. Еще немного – и можно дотронуться и ощутить это заботливое тепло. И забыться.

– Я буду Гаем.

Никто не ответил.

– Трудно придумать имя. Можете фантазировать, сколько влезет.

Он опустошил жестянку. Его напарник повторил.

– Мы еще не осмотрели наши вещи. Вдруг нам что-то оставили.

Тишина. Его напарник послушно залез в карманы. Из куртки вынул листок бумаги.

– Написано: страховой агент.

За два дня все брали разные куртки. Они перемешались. Возможно, это и не его бумажка.

Теперь закопошились девушки.

Та, что сконфузилась, – звезда кино для взрослых.

Спустившаяся за ней – программист.

Порезавшая руку – учитель начальных классов.

Моя очередь.

Он сунул руку в карман и нащупал скомканную бумажку. Вытащил и прочитал про себя.

Да ну, конечно же.

– Что там?

– Хирург.

Остался последний. И одиноко висящая на крючке куртка. Гай, дожевав железную массу, прошел до нее, запихнул руку в левый карман и вынул бумажку. Лицо его на миг побледнело, как только глаза увидели буквы. Почти сразу он совладал с собой. Нервная усмешка проскользнула по его лицу.

– Бред какой-то. Написано, что я насильник.

Его смешливый тон никто не поддержал.

– Да вы что? Это же просто листок, – он скомкал его в ладони и выкинул на крыльцо. – Смотрите: ничего нет.

Молчание.

– Да бросьте.

Он стоял около входной двери и переводил глаза с одного на другого.

– Жалкая бумажка. Кто меня вообще за язык тянул, – пауза. – Поем еще.

Гай скрылся в кухне, но оставшиеся не сразу отвели глаза от проема, точно наблюдая за тенью.

Он снова повернулся к пламени.

На его месте мог быть я. Ага. Хорошо, что я не на его месте. Почему я не сказал, что куртки поменялись?

Красно-желтые языки извивались в такт природной мелодии, то вздымаясь, то низвергаясь. Губительное потрескивание сопровождало танцу. Горка дров таяла. Из обугленного нагромождения вырвалась оранжевая искорка и плавно опустилась на ковер.

Наверно, я трус.

Скрежет металла. Противный и лязгающий.

Хах, мстит жестянке. Потому что не может мстить нам.

Что я несу.

Снова лязгание. Люди молчали, забыв друг о друге. Все увлечены своими мыслями. Наверно, только сейчас каждому полностью пришло осознание: я не знаю, кто я такой.

Хирург? Какой же я хирург? В жизни не терпел медицину. Кажется. Шутка, наверно. Либо я совсем себя не знаю. Тоже мне. Вряд ли я лечил людей. Я крови боюсь.

Огонь припекал. На лбу выступил пот. Он вытер его и смахнул в огонь. Потом вышел из дома и присел на крыльце, там же, где и в первый день.

Снаружи теперь так же душно, как и в доме. Где же свежий воздух? Чертов туман не пропускает. И ветра нет. Хоть для приличия бы подул. Невозможно дышать.

Погода была странной. Он не знал, менялось ли что-то в природе: когда лег спать, светило стояло посреди неба, когда проснулся – там же. Не уходил туман, не дул ветерок. Деревья стояли неприкаянные, точно прикидывались неживыми. Или играли в прятки.

Он поднял со ступеньки мелкий камушек и бросил в сторону.

Это я.

Поднял еще один и бросил в другую.

Это тоже я.

Третий полетел в высохшую грязь.

И это я. Кто из них настоящий?

Больше камней не было.

Все мертво.

Лысое пятно грязи выползло из-за дома.

Странно, его раньше не было.

Он поднялся и подошел к нему. За домом не было травы, лишь голая земля, изрезанная бороздками. Он глядел на это место и не мог вспомнить, что было под ногами, когда они втроем возвращались с дровами. Отчего-то ему казалось, что ступать было мягко. Взор следовал вдоль границы пятна и наткнулся на горку. От нее в стороны расползались борозды. Глаза замерли, мозг соображал. Да, именно там он закопал осколки. Окровавленные осколки.

Я отравил землю? Неужто ее так воротит от крови? В этом мы вроде похожи.

Он шаркнул землю и затер несколько бороздок. Невысоко поднялась пыль и тут же медленно опустилась на ботинки. Он засунул руки в карманы хлопковых брюк.

Привыкай к крови. Вдруг придется вкусить еще.

Он перевел взгляд на дом. Низшая часть стены обрамлена

плиткой песчаного цвета, выцветшей даже под слабым воздействием затуманенного светила. Неизвестно, сколько времени оно палит это сооружение. Здание могло стоять уже сотню лет. Кое-где плитка отвалилась – в тех местах зияли бетонные проплешины.

Раз. Два. Три. Четыре. Нет четырех плиток – за половину дома. Наверно, с той стороны тоже четыре. Итого – около восемь.

Внезапно в ноздри ударил сладковатый запах, даже приторный. Будто знакомый, но никак не ассоциирующийся с чем-то конкретным.

Сзади послышался шорох.

– Можно я с тобой?

Девушка с порезанной рукой.

– Что со мной?

Она замялась.

– Ну... прогуляюсь.

– Хм, – он замычал в раздумье. – Можно и прогуляться.

А куда идти?

Развернулся и пошел в противоположную сторону. Девушка пошагала следом.

Они шли вдоль окраины роци. Темно-зеленые кусты трусливо выглядывали из-за мрачных стволов, выставляя вперед самые тощие ветки. Деревья однообразно косились вбок, будто долгие годы медленно заваливались спать. Кора их на ощупь была шершавая, с многочисленными впадина-

ми и неровностями. Если бы возраст деревьев определяли по таким неровностям, то эти, должно быть, стояли тут веками.

Из чащи веяло будоражащей прохладой. Приятно было идти, вдыхая скопившуюся лесную сырость. Вдруг ощутилась сладость.

Опять этот запах. Что-то знакомое, но что? Вряд ли конфеты.

Он обернулся на девушку. Та остановилась чуть позади и глядела в ответ.

Почти уверен, что она ничего не замечает. Тяжело домашнему в диких условиях.

Он двинулся дальше.

Деревья стремительно редели, и вскоре путники увидели по ту сторону полянку – такую же, как и вокруг: с невысокой желтоватой травой и прогалинами грязи.

– Живописно.

Девушка тихо усмехнулась.

Они прошли сквозь чащу – два-три дерева – и увидели, что эта поляна в разы больше: настоящая равнина без видимых границ, но с тем же травянисто-грязным пейзажем. Оба интуитивно почувствовали беззащитность от того, что горизонт тонул в тумане. Там явно было что-то, это ощущалось. Скорее всего, даже сейчас оно наблюдало за ними из своей берлоги.

Путники молча пошагали в обратном направлении, с каждым шагом инстинктивно приносясь. Машинально он

озирался вбок, на бескрайний простор, покрытый дымкой; казалось, там она опускалась еще ниже.

Его спутница тихо и угрюмо плелась следом. Он совсем позабыл бы о ней, если бы не шарканье ботинок по земле.

Почти безжизненная тишина. Листья не шелестели по ветру. И туман гадливо наседали сверху. Отдавался только кровотоки в ушах, да доносилось редкое шарканье позади.

Казалось, они прошли примерно столько же, сколько и от дома.

– Если повернуть в чашу, выйдем прямо к крыльцу.

Он остановился и заглянул в темноту: видно было только ближайшие три-четыре дерева. Но что-то потянуло туда. Руками он аккуратно раздвигал кусты, изредка попадавшие на пути. Он шел по воображаемой тропке, точно проторенной специально для него. А мрак окружал.

Будто пробираешься ночью по кладбищу, среди торчащих глыб, в блеклом свете луны. Но там кричат вороны. А здесь – безмолвие. Тупое шествие вперед, к чему-то и зачем-то.

Он двигался наугад. Тропка виляла, и он уже не был уверен, что идет верно. Перестало слышаться и шарканье.

Он обернулся. Девушка чуть не воткнулась в его спину.

– Что такое?

– Ничего.

Мрак сдавливал виски, залезал в голову. Казалось, что уже нет человека: он превратился в незначительную крупичку, ведомую непонятной силой.

Деревья уплотнились и давили друг на друга. Глаза уже не могли привыкнуть к окружающей темноте. Стволы выскакивали, как вор из-за темного угла. Почва сырела. Под ногами – одна жижа. Даже в ноздрях теперь оставались сладковатые капельки влаги. Сзади слышалась возня ботинок. Они прошли еще с десятков шагов.

– Кажется, там водоем.

– Да?

Путники продирались сквозь стволы и кустарник, меся ботинками сыреющую грязь, как вдруг перед ними совершенно неожиданно оказался пролесок. Чуть более светлый, чем мрак. Сладковатый запах перемешался с чем-то вонюче-тухлым.

Он остановился – болото, мелкое, отчасти высохшее, но еще сохранившее зловоние.

Девушка схватилась за мужскую руку, и он бросил негодующий взгляд на ее по-детски напуганное лицо; рот и нос она прикрыла воротником куртки. Он хотел одернуть руку, но лишь двинулся дальше, аккуратно ступая по грязи. Запах становился невыносимым, и ему тоже пришлось приподнять воротник.

Шаг и шаг. Глубже и глубже. Шаг и шаг.

Кругом – покрытые лишаем стволы, один на другом. Ладони касались неприятной сырой коры.

Лучше так, чем упасть.

Почва совсем размокла, и ботинки елозили в лужах. Жен-

ская ладонь цепко сжимала руку. Он ступил на поваленный ствол и огляделся.

– Да, болото.

– Можем вернуться, – пробубнила девушка сквозь воротник куртки.

– Дальше пойдем, так ближе.

Он заметил, что на поверхности воды что-то плавает. Пригляделся.

– Постой здесь.

Высвободил руку и пошагал прямо по бревну. Местами оно проседало под грузным мужским телом. Шаг – и нога провалилась. Мерзкая жижа.

– Вот же гадость, – выругался он себе под нос.

Поднялся и пошел дальше, не спуская взора с болота. Глаза уже различали круглую форму, черты, но мозг отказывался верить. Поверил только вблизи: это было начавшее разлагаться мужское лицо, темно-зеленое, застывшее на поверхности. Бездонный черный рот. Глаза жутко раскрыты. Но от них тяжело оторваться. Его тянуло туда, ближе и ближе. Дрожь пронеслась по телу. Мертвый взор пленил. Как будто с каждой секундой высасывая часть рассудка.

Он спасительно мотнул головой в сторону и ощутил легкий дурман.

Неподалеку – еще одно мерзостное лицо. Женское и изуродованное. Без носа. Искаженный словно от испуга рот. Ниже лица – худая порванная грудь. Распластанные руки.

Всплывший голый живот, плоский.

– Что там?

Он не услышал.

– Что?

– Ничего.

Еще два лица, мужское и женское, с безобразными гримами. Спина одного из них плавала неподалеку.

Невыносимая вонь резала ноздри. Слезились глаза. Он поморщился и опустил их. И тут же увидел рядом торчащие из болота ноги и тощую поясницу. Чуть поодаль – макушка, с длинными черными волосами.

Болотисто-трупный запах нагло лез в нос. Во рту ощущался сладковатый привкус. Рвота вмиг подошла к горлу и самовольно вышла наружу.

– Что такое?

Голос приблизился.

– Стой там! – рявкнул он.

И тут же согнулся снова.

– Стой, – уже тише пробормотал он, выставив руку.

Казалось, вышло все, что могло выйти, но он не мог разогнуться. Сплюнул. Боязно было глядеть на болото. Оно близко. Он медленно выпрямился, вытерся рукавом и направился к девушке. Схватил ее за руку и решительно пошагал в сторону дома, не оглядываясь.

– Чтоб я еще раз пошел туда, – бубнил он. – Хоть раз.

– Что там такое?

Вязкая жижа замедляла ход, ноги разъезжались. Пять изнурительных шагов. Десять. Пятнадцать. Легче. Почва твердела. Они снова оказались в глубине чаши. Он раздвигал руками кустарник, протаптывая никем не хоженую тропку. Девушка тяжело дышала позади, но старалась не отставать. Она напугалась. В эти мгновения, кажется, она совсем не способна была воспринимать действительность.

Деревья и кусты. Кусты и деревья. Холодные листья. Усердно стремящиеся ввысь стволы с испещренной корой. Мягкий мох под ногами.

Он не видел все это, но точно знал, что именно так оно и есть.

Впереди забрезжил тусклый свет – они близко. Серые стены дома спасительно выросли перед ними. Раз плитка. Два. Три. Четыре.

Впервые путники остановились и выдохнули. Он присел и закрыл глаза. Воздух казался свежим и чистым. Они жадно глотали его полной грудью.

– Кажется, я придумала себе имя.

Тяжело дышал женский голос.

– Какое?

Он приподнял голову. Девушка стояла рядом. Ее мертвенно-бледное лицо заметно выделялось на фоне подсохшей желтоватой травы.

– Солнце.

– Что?

– Солнце.

– Хм.

Девушка покраснела и опустила глаза.

– Нормальное имя.

– Наверно.

Они вышли неподалеку от крыльца, в стороне от пятна голубой земли. Девушка первой направилась в дом и проскрипела ступенями. Когда подошел он, позади дома раздался звонкий треск. Он опешил и развернулся. На оголенной земле валялась груда пластика и стекла с проводами. Со второго этажа выглядывали парень с девушкой.

– Наверху есть экран, – сказала программистка после ухода хирурга и учительницы.

– Да, – подтвердила вторая.

– Работает?

– Не знаю.

– Надо попробовать включить.

Втроем они проследовали мимо сидевшего за столом Гая.

– Вы куда?

– Наверх, – буркнул страховой агент, рубивший с ним дрова.

По дому разнесся скрип ступеней.

В дальней спальне – отличной от других только окном в пол – на столике покоился молчаливый черный экран.

– Вот.

Агент оценивающе оглядел технику.

– Это моноблок.

– Что?

– Все питание в мониторе. Это компьютер.

– Да?

– Что ж, садись.

– Я?

– Не я же программист.

– Я без понятия, что с этим делать. Ты же определил, что это моноблок.

– Садись уже.

Девушка пожала плечами и села.

– Может, включится сам?

Никто не отреагировал.

Сухая женская ладонь собрала пыль со стекла. Экран был шире самого стола.

– Давно его не трогали.

Она стряхнула руку. Другой нащупала выпуклость – кнопка включения. Нажала. Ничего. Еще раз.

– Сзади надо глянуть.

– Я не программист.

Девушка повернула монитор задней панелью к себе и осмотрела. Подсоединены несколько проводов, разных по толщине и разьему. Она вынула один, подождала и всунула снова. Затем нажала кнопку включения. Что-то внутри зашипело.

Двое стоящих радостно выдохнули.

– Что ж, посмотрим.

Черный цвет экрана сменился белым. Монитор загудел.

В проходе кашлянул Гай. Все обернулись. Недовольное выражение сразило каждого. Но он тоже ждал, вместе с ними. Девушка встала перед монитором, скрестив руки.

Бесконечно тянулись минуты ожидания. Веки не моргали, боясь упустить миг торжества. В ушах болезненно стоял гул.

Минута, три, шесть. А белый экран не менял цвета.

– Черт, ну конечно.

Безжалостная шутка, будто из девятого круга ада. Хрупкая людская надежда растоптана вдребезги.

Одна из девушек всхлипнула, осознав поражение. Парень нервно усмехнулся.

– Что теперь делать?

Никто не знал ответа. Программистка выпрямилась.

– Может, раскрыть заднюю крышку.

Поверившая в свои способности, она принялась силой отрывать пластиковую панель. Остальные безмолвно наблюдали.

С хрустом панель сдалась. Внутри – хитросплетения проводов и кабелей. Голову сломаешь, прежде чем разберешься, какой и откуда идет. От питания тянулись разноцветные ниточки. Девушка водила глазами вдоль и поперек. Потрогала, повертела. Глянула на монитор. Распутала провода. В монитор. Провода. Монитор. Провода. Монитор. Но тот предательски оставался белым.

– Наверно, он вечно будет показывать белый. Такая машина, а существует ради одной нелепой функции.

Разочарование было общим, нераздельным, и каждый понимал друг друга без лишних слов.

– Надо выкинуть его в окно, – предложил Гай, – чтобы не мозолил глаза.

Он прошел комнату насквозь, раскрыл настежь раму, схватил мертвый монитор, вырвал с корнем все провода и со злобой запустил со второго этажа. Присутствующие наблюдали, внутренне одобряя его действия.

– Вот же чертовы свиньи! Бросили и наплевали! – и отошел вглубь комнаты.

Он горячился совсем не на монитор. Но ему стало немного легче от того, что он сокрушил машину.

– Что у вас такое? – спросили снизу.

– Монитор не работал, – ответили в окно.

Парень снизу исчез. Послышались шаги в гостиной.

Двое пришедших сразу направились в кухню. Их мучила жажда. На столешнице – стакан, потерявший цвет и протертый от частого использования. Он налил воды и протянул девушке. Та благодарно кивнула и выпила. Потом себе. Отпил половину, прополоскал рот и выплюнул. Надо было заглушить сладковатый аромат, перемешанный с остатками рвоты. Снова прополоскал. Налил целый стакан и выпил.

Спустились со второго этажа.

– Где были? – это была звезда кино.

– Ходили. Ничего интересного – по ту сторону леса равнина.

Он взглянул на Солнце, но та и не думала перечить.

– Так что выкинули из окна?

– Монитор, он не включался.

– У нас был компьютер?

– Да, но не работающий.

Вышло так, что все столпились на кухне. Гай стоял около лестницы, позади всех.

– Кто-нибудь, – он прокашлялся, потому что голос хрипел, – придумал себе имя?

Помолчали. То ли игнорировали, то ли боялись. Страшно казаться глупым.

– Мне одна нелепость пришла на ум, – вставила Солнце.

Она назвала свое имя и пожалала плечами.

– Неплохо.

– А мне – Юнона. Кажется, красивое имя, да?

Гай кивнул.

– Пусть будет Флейта, – вставила программистка.

– Джин.

– Оригинально, – усмехнулся Гай, но сразу оправился.

– А ты?

– Пока нет.

– Ладно.

Они познакомились, но неловкость все еще сохранялась. Что делать всем вместе?

Юнона заразительно зевнула, за ней – Флейта, и появился предлог исчезнуть. Две зевнувшие двинулись наверх, и остальные побрели следом. Девушки вошли в дальнюю комнату, Гай – в среднюю. Он повернулся к подходившим.

– Полагаю, ты не захочешь спать на своем месте?

Он обращался к Солнцу, которая прошлой ночью спала с ним в средней спальне. Девушка молчала, потупив взгляд.

– Я...

– Лучше пусть с нами.

Флейта вернулась и, взяв Солнце под руки, повела в дальнюю комнату.

– Вряд ли мы ее изнасилуем.

Вот стерва. Лишь бы что ляпнуть.

Гай помрачнел. Он схватился за дверь рукой, уставившись в пол. Горько усмехнулся и толкнул дверь вперед. Та звонко захлопнулась.

Джин прошел в ближнюю комнату и сел на кровать.

– Хреново ему.

– Ага.

– Я вроде не храплю.

– Не слышал.

– Ну давай.

И, разувшись, Джин отвернулся к другой стене.

– Доброй ночи.

Последний безымянный в этом доме прошел до окна. Его почему-то потянуло к нему, хотя смотреть было не на что.

Их окно выходило на противоположную от крыльца сторону, на кромку леса, огибавшую широкую поляну.

Как же природа однообразна и мертва. Хотя каждая ее крупница уникальна.

Он постоял, водя глазами по окраине леса. Внезапно в голову пришло имя.

Сиам.

Он утвердительно кивнул сам себе.

Да, Сиам.

В порыве он обернулся, но поделиться было не с кем. Убогая комната, сопел Джин.

Сопишь все же, чертов волшебник.

Стоявший повернулся обратно. По верхушкам деревьев стлался бледный туман.

По крайней мере Сиам звучит лучше, чем Флейта и Солнце.

Он присел на кровать и только сейчас заметил, что ботинки покрыты слоем высохшей грязи.

– Помыть надо завтра.

Скинул их, не прикасаясь руками, и лег на живот.

Раз. Два. Три. Четыре.

Сиам медленно считал и расслаблялся, прислушиваясь к отголоскам бурлящей крови в ушах. Монотонный стук сердца. Все медленнее и медленнее. На веках рисовались образы и картинки, и понемногу сознание проваливалось в забытие. Время ускользало из рук, а тело уплывало в невесомость.

Тяжело было просыпаться. Глаза раскрылись, но тело лопило. Будто колотили дубинками. Казалось, ночью слышался невнятный грохот.

Муторный сон. Другие пока не снятся, да и вряд ли будут сниться.

В комнате было пусто. Сиам сел, протирая глаза. Снизу доносились шорохи и приглушенные голоса. Как он ни прислушивался, разобрать слов не мог. Выдохнул, поднялся и направился на шум.

Ступени под ногами проскрипели, голоса притихли. Только Сиам показался в проеме, они и вовсе умолкли. Он увидел двоих девушек – одна была Солнце. Она застыла около тела, распластавшегося на железном столе, а другая стояла, опершись на столешницу. Девушки уставились на вошедшего, а он на них. Потом на тело. Голова лежала на руке. Возле стояла открытая бутылка спирта. Полупустая.

– Он пил спирт.

– Как можно эту гадость пить?

– Выпил половину. Когда мы спустились, он махал руками и что-то бормотал. Потом упал на стол.

– Наверно, прожег себе весь желудок.

– Не знаю, но жижа еще выходит из него.

Сиам обошел тело и увидел лицо Гая. Мокрые волосы кучно прилипали к коже. Около рта образовалось желтое озеро с остатками еды.

Закусывал хоть.

На полу у ступни действительно валялась жестянка. Рядом еще одна.

Девушки продолжили убираться. Солнце вытерла рвоту тряпкой. Сиам закрыл бутылку и закинул на верхние шкафчики, ближе к стенке.

– Для бытовых целей – она там. Ему не говорите.

В гостиной находились парень с девушкой. Он сидел в кресле, запрокинув голову назад. Она – у его ног, что-то перебирая пальцами. Девушка подняла глаза на вошедшего, но ничего не сказала.

– Вы видели, что произошло?

– Ну, он молча пил на кухне, пока мы ели. Потом кричать стал.

– И?

– Мы сюда ушли.

– А он?

– Там остался.

– Вы дали ему пить спирт?

– Мы не давали, сам взял.

Вот дура.

– Нельзя было забрать?

– Это его дело.

– Но его нельзя пить.

– Он ведь хотел, нам-то что. Одним насильником меньше.

Он смолчал. Возможно, ему было все равно. Возможно, в глубине души Сиам даже поддерживал ее мысль. Он вернул-

ся на кухню. Девушки снова смущенно уставились на него.

– Пусть проспится.

Они молча вышли. Сиам склонился над бледным лицом.

– Не стоило, мужик, не стоило.

Похлопал по плечу и тоже вышел.

Через пару часов тело в кухне зашевелилось. Гай загремел стулом. Громкая отрыжка. Мнущийся пластик.

Воду пьет.

Вскоре тело появилось в проходе. Волосы на правом виске примяты и торчат вверх. Сам вид его был омерзителен. От него пахло. Лицо побледнело, опухло. Казалось, его сейчас снова вырвет.

– Только не на пол, – будто прочитала мысли сидящая у ног девушка. Флейта, кажется.

Гай постарался бросить на нее испепеляющий взгляд, но тщетно.

В гостиной были только Флейта с дремлющим Джином и Сиам. Остальные сидели на крыльце.

– Не надо пить эту дрянь, Гай.

– Разберусь.

Он вернулся на кухню и опять похрустел пластиком. За скрипела лестница. На втором этаже захлопнулась дверь.

Сиам бессознательно ковырял кочергой серую золу. Она то подлетала, то оседала. Пару раз кочерга звонко стукнулась о камень.

– Тише, – рявкнула Флейта.

– Чего?

– Джин спит.

– Всему дому теперь на цыпочках ходить, потому что он спит?

– Это вежливость.

– Это эгоизм. Мог уйти наверх.

Девушка презрительно осмотрела его с головы до ног.

Остаток дня обитатели так и провели, бездумно слоняясь по дому и изредка выбираясь на крыльцо, где было так же душно. Спертый воздух преследовал. Деревья как будто и не стремились очистить его.

Гай не спускался. Девушки просидели на крыльце, едва слышно о чем-то переговариваясь. Джин нескоро поднялся, окинул присутствующих сонными глазами и скрылся в кухне. Заскрежетали жестянки, раздалось чавканье. Неотступный хвостик побрел следом.

Огонь не зажигали. Было не так холодно. Да и не для кого. Все разбрелись по разным частям дома.

Вернулись девушки, попросили открыть консервы. Сиам машинально расковырял три жестянки.

– Нечего тут делать, – бросил он, когда опустошил свою.

– Юнона еще не ходила гулять.

Точно, Юнона.

– Там тоже нечего делать.

Они помолчали.

– Что ж, значит, здесь собрались хирург, учитель и кино-

звезда, – буркнул Сиам.

Юнона покраснела.

– Кажется, я вообще боюсь крови. Так что какой из меня хирург.

– Я не уверена, что...

– ... это правда? Вполне возможно. Но вполне возможно и нет. Если бы по бумажке ты была учителем, вряд ли бы сопротивлялась.

Юнона бросила жестянку в раковину. Глаза ее покраснели.

– Я не помню, чтобы мне было стыдно за свою жизнь!

Он понял, что перегнул.

– Прости, я не хотел.

Девушка не ушла прочь, но склонила голову. Солнце злобно уставилась на виновника, и тот отвел глаза.

Черт, с чего я вывалил все это на нее? Идиот.

– Нам жить вместе, наверно, еще долгое время, так что не стоит обижать друг друга. Хватает одной парочки. Прости.

– Ничего.

Юнона подняла голову.

– Как-нибудь прогуляемся.

– Хорошо.

Последующие дни зеркально отражали все предыдущие. Флейта и Джин сторонились остальных, заговаривая исключительно по бытовым нуждам. Бродили парочкой. Иногда перешептывались. Флейта окончательно приняла на себя

роль его хвостика. Хотя тот и не походил на пример для подражания. От него так и разило спесью.

Гай был тих и не привлекал внимания. Он боялся заглянуть в чужие глаза и увидеть там презрение, поэтому большую часть дня сидел на стуле в кухне, сверля взглядом стену напротив. Наверно, это помогало забыться. Его вроде бы не презирали, но и не заговаривали, и вскоре он как-то сам по себе отошел в тень. Гай стал неприкасаемым.

Сиам пару раз выходил за дровами, но особой нужды в этом не было. Психологически необходимо было создать иллюзию деятельности, чтобы не свихнуться.

И иллюзию жизни.

Через пару дней внезапно опустилась прохлада. Во время пробуждения было жарко, но с течением дня откуда-то приходил живительный холодок. Небольшое послабление для обитателей.

Седьмой день. Сиам перенял функцию ведения календаря у Гая. Седьмая зарубка.

Как много и как мало.

На восьмой день Гай сорвался опять.

Посреди сна Сиам подскочил от грохота. Джин поднял голову. Оба переглянулись и выскочили к лестнице. Открылась дверь у девушек, выглянуло заспанное лицо Юноны.

– Что такое?

Сиам сбежал в кухню.

Гай.

Тело извивалось на холодном полу. Как удав. На столе почти пустая бутылка.

– Что там? – крикнул сверху Джин.

– Гай напился.

Джин буркнул что-то нечленораздельное.

– Спустись сюда.

– Зачем?

– Нужна помощь. Просто так бы не просил.

Ленивые шаги по лестнице.

– Тянет же тебя к этой дряни.

Сиам развернул тело на спину. Лицо корчилось и ежесекундно меняло выражение.

– Дай воду.

Джин замер в проходе.

– Воду!

Он нехотя подал бутылку с водой. Сиам запрокинул ее. Вода полилась в иссохший рот. Тело извивалось и плевалось, но жидкость попадала внутрь. Вокруг разлилась лужица. Тело задыхалось под напором. Кашляло. Пауза, чтобы отдышалось. И по новой.

Кажется, немного пришел в себя.

– Надо отнести в кровать.

Джин взял злосчастную бутылку и демонстративно вылил в раковину.

– Спирт мог пригодиться.

– Чтоб не повторилось.

Они взяли тело под руки и потащили по скрипящим ступеням. Скинули в постель. Джин сразу же ушел досыпать.

– Погибнешь ты так.

Его было жалко. Вряд ли он хотел именно так прожить свою жизнь. Вряд ли хотел оказаться здесь. Вряд ли хотел быть насильником. А получил только боль. Много боли. Бессмысленной и тупой. Наверно, так человек и губит себя – когда жизнь причиняет больше боли, нежели смерть.

После второго срыва Сиам начал иногда заговаривать с Гаем. Понемногу. Тот почти не говорил о себе. Хотя и говорить было нечего, кроме бытовых вещей. Гай не помнил прошлого, спирт выбил все напрочь. Голос его сильно охрип. Эта дрянь еще и горло прожгла. Видно было, что он сломлен. Из глаз пропала искра. Их заполнила какая-то агоническая вялость. Лицо посерело, осунулось. Он все также сидел на стуле большую часть дня. Ему будто бы неловко стало жить среди людей.

Солнце тоже потеплела к Гаю. Немного, но это ощущалось. Огромной цены стоило человеку вернуть расположение остальных. Хотя бы призрачное.

Как-то раз Гай даже неуклюже попросился помочь Сиаму нарубить дров. Но тот остановил его прыть. Гай был слаб, чтобы долго бродить вне дома и заниматься трудом. Сиам проводил его до кресла и ушел один.

Солнце и Юнона копошились в кухне. С лестницы спустились Джин и Флейта и без слов прошли в гостиную.

– Это мое кресло, – рявкнул Джин.

Гай растерялся.

– Почему?

– Проваливай уже.

Жертва рыскала по сторонам в поисках помощи. Но ястребиные глаза пронзали сидящего насквозь.

– Проваливай!

– Проваливай, насильник! – вставила Флейта.

Выглянули девушки.

– Пусть сидит, есть же стулья.

– Заткнись, а. К тебе обращаюсь, что ли?

– Зачем так грубо?

– Надоели вы мне.

Он схватил руками Гая за плечи и скинул с кресла. Уселся сам. Гай затих на запыленном ковре.

– Не нужен нам тут насильник, – снова уколола Флейта.

– Какие же вы мрази, – бросила Юнона.

– Да пошла ты.

Гай на четвереньках отполз к дальней стене и присел.

Вскоре возвратился Сиам. Не окидывая взглядом гостиную, сбросил дрова. Картина была прежней.

– Ты чего там сидишь? – заметил он Гая.

Тот даже не поднял головы.

– Что случилось?

Джин не удостоил ответом. Молчала и девушка.

Сиам подошел к Гаю и поднял за локти.

– Идем.

Прошли в кухню. Гай сел на стул. Сиам расковырял жестянку и подал ему. Потом себе.

Вот и мерзкие же эти двое. Долбаные падальщики.

Он со злостью швырнул жестянку в сторону.

– Наверно, нужно зажечь огонь?

Повернулся к Гаю. Тот только смотрел на него.

– Пожалуй, ты прав.

Сиам вернулся в гостиную. Тихо оборвал кору. Сложил на почерневшее дно камина.

Раз полено. Два полено. Три. Четыре. Пять. Пирамидка.

Рука потянулась за шестым и наткнулась на что-то тонкое. Он глянул. Рукоять топора. Он забыл убрать топор в ящик. Наточенное лезвие уставилось на него, вызывая странные чувства. Внутренности клокотали. Накрыл легкий дурман. Рука не отстранялась от рукоятки. Чувство казалось знакомым, даже родным. Оно было в его ладони. Оно текло по венам вверх, к сердцу. От сердца – к голове. Мысли путались, но отчетливо проскакивала одна – убить. Одурманенный, Сиам обернулся на двоих сидевших. Флейта лениво подняла глаза и тут же нахмурилась. Что-то в *этом* лице напугало ее. Она стремительно перевела взгляд на руку. И обратно. Раскрыла рот, но слова не вышли из глотки. Испуг занял все ее лицо.

Это выражение. Где-то он уже видел такое. Он точно помнит, что видел.

Сиам отпустило так же внезапно, как и схватило. Он смутился, одернул руку и отвернулся к поленьям. Неряшливо кинул еще одно сверху. Потянулся за спичками. Зажег. Бросил вниз. Коричневый наконечник вмиг потух. Зажег еще одну. Бросил. Потух. Зажег. Поднес к кучке коры внизу. Пламя нехотя поползло по дереву.

Сиам резко встал и, не глядя на Флейту, в два шага дошел до кухни.

Как бы не я оказался настоящим насильником.

Взял бутылку с водой и жадно выпил всю. Глянул на сидящего.

– Да уж, мужик, да уж.

Гай поднял печальные глаза. В разы более печальные, чем раньше.

– Что же они натворили?

– Насильник я, – прохрипел ответ.

Сиам устал переубеждать.

– Наплевал бы уже на это.

Они помолчали. Только свет лампочки рассеивал тишину.

– Пойдем наверх.

– Позже.

– Уверен?

– Да.

– Я устал, пойду.

Гай кивнул и задержал взгляд. Сиаму показалось, что подобие улыбки проскочило по сухим губам.

Вскоре мимо прошли и Флейта с Джинном. А Гай все сидел, уставившись в одну точку.

Наверху все стихло. Он повернулся и почти машинально начал рыскать по ящикам в поисках бутылки.

Нет. Нет. Нет.

Где-то должна завалиться еще.

Он обшарил каждую тумбу. Каждый уголок. Пусто.

Выпрямился во весь рост.

– Плевать. На все теперь плевать. Мне же не страшно.

Он сдержал кашель в груди.

– Не страшно.

Сиам проснулся первым.

Наверно, еще рано.

Он выпил воды. Умылся. Есть пока не хотелось. Прошел в гостиную и уселся в кресло. Первый раз. Он уже и забыл, какого это – сидеть в кресле. Очень мягко. В глаза бросился топор, лежащий у камина.

Вчера опять забыл отнести. Сейчас, еще минуту.

Закрыв глаза и попытался расслабиться. Не вышло.

А Джин в нем часами просиживает. Кресло как кресло.

Сиам выдохнул. Поднялся и подхватил топор.

Свежий воздух. Если его можно назвать свежим. Скорее, менее спертый. Да, менее спертый воздух.

По привычке он начал считать отвалившиеся плитки у подножия стены.

Раз. Два. Три. Четыре. Ящик.

Рука сама открыла деревянную крышку и сбросила топор к прочей утвари.

Вот и все. Топор прочь, мысли прочь. Бред всякий лезет в голову, когда под рукой орудие.

Ноздри нечаянно унюхали слабый аромат знакомого запаха. Сладковатого. Тело замерло.

Да чтоб тебя. Опять этот запах.

Сиам обернулся и чуть не вскрикнул. Он даже не понял, что это, но инстинкты сработали पहले.

– Вот дерьмо!

Тело. Кровь. Много крови.

– Эй?

Ноги поднесли ближе.

Руки в крови. Голова запрокинута. Гай. Разрыта кучка стекла. Осколки валялись в луже крови.

– Гай? Гай!? Ты чего?

Он опустил на корточки и схватил безжизненное лицо ладонями.

– Гай? Черт, нет!

Пальцы в крови. Чуть выше. Вены.

– Да ты чертов маньяк! Просто истерзал свои вены. Зачем же? Твою ж мать.

Глаза открыты. Глядят вверх. Уже серые. Радужка почти бесцветная.

Сиам отвел свои и зажмурился.

Как же ты так сдался?

Зажмурил еще сильнее, так что веки закололо.

– Черт.

Все внутри забурлило.

– ЧЕРТ! Какого черта, Гай?! Какой же ты слабак!

В бездумном порыве он собрал ладонью стекло и швырнул в чашу. Затем еще. Что-то щекотало ладонь, но ему было все равно. Схватил мертвое тело за шиворот и потряс.

– Слабак! Чертов слабак!

Швырнул в землю. Сердце бешено колотилось. Энергия была ключом. Сиам сжал кулак и бездумно стукнул ребром по земле. Вторым. Кулаки принялись молотить кровавую жижу, попадая и по осколкам. Его кровь быстро смешалась с чужой. Лужа под телом умершего растеклась из-за крови живого.

Все, успокоился. Злоба прошла. Вроде бы подошел ком к горлу, но он его тут же сглотнул. Поднялся. Боль резала кисти. Из обеих торчали стеклышки. Он смахнул руки. Безрезультатно. Вернулся в дом.

Уже спустились Солнце и Юнона. Девушки сразу заметили бледность вошедшего.

– Что такое?

Потом увидели окровавленные руки.

– Что случилось?

– Гай мертв.

– Как?!

– Вены себе порезал, – и злорадно добавил, глядя на Солн-

це: – У него вышло.

Почему-то сердце вновь заполонила злоба. Девушка покраснела.

– Если хотите, можете взглянуть.

Но они не двинулись. Сиам прошел в кухню.

– Этот идиот еще и весь спирт вылил.

Открыл кран. Потекла ржавая вода. Он ждал. А чистая все не лилась.

– Да плевать.

Подставил руки. Стекающая вода окрасилась в бурый. Кровь смылась. Поднял руки на свет и попытался вытащить осколки. Никак.

– Где нож?

– На кухне.

Он злобно сверкнул на девушек, но смолчал. Окинул взором столешницу. Нож был рядом. Взял, намочил и острием стал выковыривать осколки.

– Грязный же.

– Все равно умрем.

Шок умирал боль. Однако скулы все же инстинктивно вздрагивали. Крупные осколки летели в раковину. Затем чуть поменьше. Сиам ощупал правую кисть.

Вроде не колет.

Принялся за левую.

Все.

Сбросил нож и только сейчас увидел, сколько крови вы-

текло. Шок закончился. Голова вмиг помутнела. Он взглянул на свои истерзанные руки. Ниже мизинца все было в рваных алых бороздах. Казалось, нож причинил даже больший ущерб, чем стекла. Ноги подкосились. Он еле добрал до стула и свалился на него, пачкая кровью все вокруг.

Девушки спохватились только сейчас. Юнона резанула ножом по нижней части футболки и оторвала два куска ткани. Скрутила и туго перевязала руки Сиаму. Дала ему воды.

– Все нормально.

– Конечно.

Он пошевелил пальцами, наверно, проверяя моторику.

– Идите гляньте Гая.

– Мы тебе верим.

Он повернул корпус, но смотрел куда-то сквозь девушек.

– Как хотите.

Вытекающая из ран кровь уже намочила куски самодельных бинтов. На столе образовались красные пятна.

Просидев несколько минут без движения, Сиам кое-как поднялся, взял нож из раковины и начал неистово резать дверной проем. Полоса проявлялась очень медленно. Лезвие елозило и елозило.

– Может, я?

Ответа не последовало. Казалось, прошел час. Восьмая зарубка была готова. Лезвие поднялось выше и вычерчивало теперь что-то иное.

Маленькая горизонтальная и длинная вертикальная. Г.

Две диагональные и перегородка между ними. А.

Две горизонтальные, диагональная и одна вертикальная
повыше. Й.

ГАЙ. Восьмая зарубка.

Сиам без сил бросил нож на пол и сел.

Кто-то из девушек шмыгнул носом. Может, пролились
несколько слез.

Вскоре спустились Джин и Флейта. Без малейшего инте-
реса они прошли к консервам. Расковыряли себе по одной,
не оглядываясь по сторонам. Молча запрокинули. И только
после всей процессии Джин заметил кровь в раковине.

– Что это?

Спросил чисто из вежливости.

– Гай порезал вены.

– И где он?

– Позади дома, около ящика.

– Почему же здесь кровь?

Ох этот умник, так и врезал бы ему.

Сиам разозлился и промолчал.

– Сиам порезал руки, когда осматривал Гая.

– Ясно.

Они уже почти вышли, как Сиам буркнул:

– Это же ваша вина.

– В каком это смысле?

– Вы в открытую называли его насильником.

– Думаю, лучше в открытую, чем тайно. И разве он им не

был?

– Мы этого не знаем.

– Я склонен в это верить, – Джин повернулся. – Как и то, что она – порноактриса, она – учительница, а ты – хирург.

Все трое злобно глянули на говорившего.

– Вы сами в это верите, только в отношении Гая почему-то лицемерили. Так чья же это вина? Вы подавали ему ложную надежду, что он другой. А мы принимали его таким, какой он есть. Если б вы последовали нашему примеру, все бы обошлось.

– Подлости тебе не занимать.

– Сочту за комплимент. При данных обстоятельствах я вынужден думать лишь о себе.

Скройся уже.

Некоторое время трое еще просидели на кухне. Само собой решилось, что надо похоронить умершего. Джина и Флейту даже не спрашивали.

Сиам начал выкапывать яму неподалеку от разрытой кучки. На окраине поляны. Он вгонял лопату неглубоко в землю, аккуратно поддевал снизу и выкорчевывал предплечьями. Раз за разом. Руки ныли, но выхода не было. Девушки безмолвно наблюдали в сторонке, боясь предложить помощь.

Тело не стали омыwać. Схватили за руки и за ноги и положили в прохладную землю. Постояли недолго, думая каждый о своем. Сиам загреб чуть земли лопатой и бросил на тело.

Девушки сделали то же. Потом он стал неторопливо закапывать яму. Сырая земля заметно выделялась на фоне высохшей. Небольшой холмик навеки приютил человеческое тело.

Жизнь вернулась в обычное русло. Обычное – в рамках творившегося сумасшествия.

Сиам стал делать зарубки не каждый день, а через день. Иначе проема бы не хватило. Десятый день. Двенадцатый.

Джин и Флейта еще более обособились от остальных. Джин в день смерти Гая перебрался в его спальню, прихватив с собой и Флейту. Не было слышно, чтобы они сдвигали кровати.

Сиам теперь спал один и не мог понять, лучше ли так. Возможно, лучше. У человека должно быть время на себя одного.

Высокая стенка жестянок оскудела. Воды хватало, но консервов на пятерых было маловато.

Видимо, все же придется пройтись по чаще.

Девушки обрадовались затее и немного оживились. Они почти не выходили за пределы дома.

– Во что будем набирать?

– В ящике за домом ничего нет?

Сиам задумался.

– Ведро есть.

– Сейчас и тут найдем что-то.

– Мы ведь уже все перерыли.

– Проверю еще раз.

Юнона кропотливо осматривала каждую полку. Солнце и Сиам сидели за железным столом и наблюдали за безрезультатным поиском.

Ну и терпение у нее.

– Что ж, остается твое ведро.

– Не думаю, что мы наберем много.

Через пару минут трое уже спускались с обветшалого крыльца.

Раз. Два. Три. Четыре.

Сиам откинул крышку ящика и достал помятое железное ведро.

– Грязное же.

Они замерли, совсем не понимая, что делать теперь. Сиаму пришла гениальная мысль вернуться в дом и промыть ведро.

– Вряд ли ржавая вода сделала его чище, – сказал он, возвращаясь к девушкам.

– Хоть так.

Он пожал плечами и развернулся к чаше. Приторный запах ощущался уже сам по себе. И было непонятно: действительно ли он витает или просто чудится.

Сиам на миг застыл на месте.

– Идем?

– Да.

Он повернулся в сторону и пошел дальше от дома. Холмик Гая.

– Разве нам не туда?

– Зайдем чуть подальше.

Сиам шел впереди, девушки двигались по его следу.

Кажется, здесь можно.

Он ступил в чащу, пристально озираясь по сторонам. Сухая почва. Тонкие веточки изгибались и уступали дорогу человеку. Вперед. Глубже. Света становилось все меньше. Вглубь и вглубь. Кажется, теперь единственной целью стало продвигаться вперед. Окружала тишина. Нет звуков.

Где девушки?

Сзади прокричали.

– Что такое?

Сиам стремительно вернулся. Девушки стояли около кустика с красноватыми ягодами.

– Смотри-ка!

– Да ну вас.

Смородина? Клюква?

Все трое заглянули в пыльное ведро.

– Можно поесть так.

Он сорвал ягоду и положил на язык. Кисло. Поморщился.

– Есть можно.

Девушки последовали его примеру. Тоже поморщились. Но взяли еще по одной ягодке. И еще.

Кустик заметно оголел после их трапезы.

Трое направились дальше. Показалась кучка светлых грибов на тонких ножках. Сиам срезал один ножиком.

– Что за гриб?

– Вроде бы безопасный.

Лисички. Нет, те рыжие. А воздух тут свежее, чем в доме. Он оперся спиной на морщинистый ствол дерева.

Запаха почти нет. Наверно, сильно ушли в сторону.

Девушки уставились на грибное семейство, что-то припоминая.

– Да, кажется, безопасный.

– Узнаем чуть позже.

Он бросил гриб в ведро. Срезал следующий. Бросил. Еще и еще, пока не остались одни грибные пеньки. Спина ныла. Пришлось разогнуться в обратную сторону.

– Стареешь? – усмехнулась Солнце.

– Застоялись просто.

Они рыскали между стволов, раздвигали кусты. Только на обратном пути случайно попала парочка толстых грибов. В итоге ведро было наполнено чуть меньше чем наполовину.

– Не густо.

– Может, в следующий раз будет больше.

– Может.

Сиам вывалил добытое в грязную раковину. Юнона тщательно промыла под водой, оттирая прилипшую землю.

– Наверно, можно есть.

– Сырые?

– Кажется.

Но никто не дернулся. Она взяла один и откусила краешек

шляпки. Прожевала и проглотила.

– Сойдет.

Откусила больше. Остальные тоже взяли по одному.

Вскоре принесенных грибов не осталось. Все трое были сыты.

Зарубка на четырнадцатый день. Шестнадцатый. Сон. Еда. Короткие бытовые диалоги. Бездумное хождение по дому и вокруг него. Снова еда. Сон. И по новой. Просыпаться ради того, чтобы заснуть.

Как-то Сиама разбудил пронзительный визг. Было сложно сообразить, который час. Он рефлекторно поднял голову и огляделся.

Комната. Пустая кровать. Он один.

Снова визг. Ругань и глухие стуки.

Флейта орет, что ли?

Сиам присел и протер глаза. Тихо.

Может, почудилось.

Поднялся и вышел. Вторая спальная пустая. Дверь в третью закрыта. Сдавленная тишина. Шорохи.

Он повернул ручку. Заперто. Толкнул плечом.

– Эй?

За дверью слышались шорохи. Отошел и со всей силы врезал ногой – раскрылась.

На одной из кроватей скакал Джин, а под ним ворочался комок одеяла. Голые ягодички. Ерзающие ноги.

На соседней кровати подскочила Флейта. Солнце сидела

на полу у окна, поджав колени. Все переглянулись.

– Что происходит?

Джин по-кошачьи резко подлетел к вошедшему и зарядил кулаком в висок. Сиам вмиг свалился. Голова точно разрывалась от жгучей боли. В глазах заискрились звездочки.

– Держи ее руки. Эта шлюха еще и брыкается! – слышалось сквозь дымную пелену. – Тише, тебе должно быть приятно!

Шорохи, глухие слезы.

– Вот так, хорошо. Держи руки!

Скрип кровати, явно не предназначенной для борьбы.

– Давай, шлюха, не препирайся. Ты же шлюха. Наша шлюшечка!

Картинка понемногу прояснялась.

Ублюдок. Надо стащить. Юнона!

Сиам медленно стал на четвереньки, сжимая голову ладонями. Все гудело.

– Тише, тише. Тебе такое нравится! Я знаю, что нравится.

Помочь. Стащить.

Звездочки рассеивались. Сиам накапливал силы. Сжал кулаки.

Все, ублюдок. Время вышло.

Подскочил, игнорируя боль в висках, и со всего маху врезал кулаком по лицу Джина. В момент удара он видел это лицо – охваченное полным ужасом лицо подлеца. Мерзостное тело слетело с кровати на пол, как грудa ненужного хлама.

Оно по-змеиному извивалось и стонало.

Сиам присел у кровати и, пытаясь сфокусировать зрение, поднял одеяло. Голая Юнона лежала на животе без сил и содрогалась.

– Успокойся, все кончено, – и погладил по голове.

Сиам поднялся. Флейта слезла с кровати и прижалась к стенке.

– Пошла прочь. Живо!

Испуганные глаза. Испуг всегда приходит, когда план рушится.

Флейта понимающе закивала и сбежала вниз по лестнице.

Сиам подошел к корчившемуся Джину.

– Значит, насильник – Гай? Паршивый ты ублюдок.

Одним движением он схватил его правую руку и с силой потянул вверх. Жуткий хруст. Мужской крик.

Сиам схватил тело за шиворот и поволок к лестнице.

– Только посмей потерять сознание!

И сбросил вниз. Даже ступени не скрипнули от показавшейся мерзости. Тело распласталось на кухонном полу. Джин не потерял сознание. Лишь стонал и хаотично шевелил ногами и здоровой рукой.

Сиам не спеша спустился следом.

– Чтобы я больше никогда тебя не видел, понял?

Молчание. Сиам пнул тело в бок.

– Да, – прошептал Джин.

За шиворот и по полу до двери. Как скотину. Выволок на

крыльцо и бросил лицом в землю. Где-то рядом всхлипывала Флейта.

– Забирай эту свинью и проваливай. Как ты вообще можешь с ним возиться?

Джин еле двигался. Сиам подошел к нему и, резко трянув его, поставил на ноги. Тот обмяк, сгорбился.

– Стой.

Шатается.

– Стой!

Выпрямился, как от удара молнии.

– Убирайтесь.

Сиам поднялся на крыльцо и оглянулся. Последний раз он видел их обоих, но не чувствовал никакой горечи от расставания.

Кажется, теперь будет посвободнее.

Юнона так и лежала в постели, но уже не содрогалась. Солнце сидела у окна, уткнувшись в колени. Он присел рядом.

Она точно не будет говорить. Вот Джин мразь. Что же произошло?

Сиам оглядывал комнату. Солнце подняла голову. Они встретились глазами, но взор ее был отстраненным. Ее не было здесь.

– Это я.

Глупость.

Она не отреагировала.

– Посмотрю, как Юнона.

Лишь глупые фразы вылетали с языка.

Сиам присел на кровать. Девушка повернула голову. Лицо багрово-красное, глаза заплывшие. Его рука опустилась на ее спину, и женское тело невольно содрогнулось.

– Больно, – прохрипела она.

– Не двигайся.

Он спустился в кухню. В ящиках под столешницей нашел тряпки. Выбрал самую чистую и подставил под кран. Ржавая вода окрасила ткань. Едва выжав, он понес ее наверх и осторожно провел по изнемогшему телу. Скинул одеяло. На коже – сплошь алые пятна. Вокруг пояса и ног – расплывшиеся бордовые брызги.

Вот выродок.

Сиам протер ноги и снова накрыл одеялом.

И кто из нас в итоге насильник? Или мы все?

Выпрямившись, Сиам поглядел на Солнце. Та сидела и не сводила взгляда с окна. Он доковылял до нее и присел напротив. На ее щеках – высохшие ручейки слез.

– Не расскажешь, что произошло?

Девушка не повернулась. Сиам устало взглянул в окно.

Какие же мы все разные. И вранье эти бумажки. Мы другие. Наша сущность уже проявилась, показав, кто есть кто. И нужно ли больше? Эти бумажки бестолковы. Почему я до сих пор думаю о них? Теперь не важно, кто мы, как нас звали и что мы делали. Теперь мы живем втроем. В этой безлюд-

ной глуши.

Юнона проспала очень долго. Проснувшись, попыталась встать с кровати, но тело ныло. Алые пятна превратились в фиолетовые кровоподтеки. Их было много, особенно на спине и поясице.

Девушка твердила, что побаливает внутри, в животе. Но помочь никто не мог. Хирургические навыки не просыпались от летаргического сна.

Солнце молчала и почти не выходила из комнаты, боясь оставить Юнону. Какая-то ментальная связь сроднила их.

Сиаму так и не удалось выведать, что же произошло. Солнце каждый раз отворачивалась в сторону, а глаза поблескивали от скопившейся влаги.

Юноне становилось хуже. Внешне не было ничего болезненного, кроме синяков и бледноватого цвета кожи. Но она сторала на глазах и походила уже больше на сомнамбулу. Почти не поднимала головы. Не было сил. Казалось, она уже и не осознавала толком, где находится. Начался бред. Тело пылало жаром. Сиам проклинал свою бумажку за то, что она не научила лечить.

На утро Юнона не проснулась. Солнце сидела на кровати возле умершей и тихо всхлипывала, когда зашел Сиам.

– Он ударил меня и изнасиловал ее. Жестоко изнасиловал! Много раз!

Побледневший Сиам застыл в дверях. Во рту пересохло. Это сероватое тело. Недвижимое. Мертвое. Вчера бывшее

Юноной.

Слезы не шли, но странное чувство наполнило грудь. Ужасно сдавливало сердце.

Мы вдвоем. Из шестерых двое. Где все остальные?

Он подошел к кровати и присел на краешек.

Долго они просидели так. Молчали. Солнце держала руку умершей.

– Хорошая была, – неловко бросил он.

– Да, – сипло ответила она.

Тело похоронили рядом с Гаем. Такой же темный холмик на окраине поляны. Двое постояли над ним. Без слов. Каждый снова думал о чем-то своем.

Весь оставшийся день прошел в безмолвии. Никто не изъявлял желания его нарушать. Разве что перед сном пожелали друг другу доброй ночи. По людской привычке.

На следующий день Сиам проснулся со странным чувством. Казалось, все это было сном. Позабытое ощущение. Оно ушло на второй или третий день. Но сейчас это опять было оно. Сиам боялся встать с кровати и осознать, что это не кошмар. Он лежал и слушал тишину. Отдаленный звон. Гул кровотока в ушах все усиливался.

Невыносимо.

Он медленно поднял голову и увидел знакомый туман, покрывающий кроны деревьев. Соседняя кровать пустовала.

Не сон.

Сиам присел на кровати и протер глаза. Почти сразу встал

и спустился к раковине. Умылся. Солнца не было. Никого не было. Он покрутил головой, прислушиваясь. Ни малейшего звука.

Медленно направился к крыльцу. Она сидела на ступеньках.

– Доброе утро.

– Доброе.

Он присел рядом. Скрипнула ступень.

– Погода дрянь.

– Ага.

Ни малейшего звука.

– Прогуляемся?

Нам обоим надо проветриться.

Солнце раздумывала пару секунд, а потом поднялась на ноги.

Они снова направились в лес. Сиам шел первым и раздвигал тонкие ветки в стороны. Внезапно кусты поредели, показался пролесок. Сухой. Сквозь хилые кроны и белесый туман упорно просачивались лучи. Крохотная полянка была похожа на островок в океане. Солнце внезапно оживилась. Присела, сорвала плоскую травинку и принялась.

– Пахнет.

Показалась нервная улыбка.

– Что пахнет?

– Цветок. Понюхай.

– Какой цветок?

Она протянула тоненький подсохший стебелек. Он взял его и в растерянности уставился на девушку.

– Цветов никогда не нюхал?

Он медленно поднес травинку к носу.

Ничего. Запаха нет.

Улыбка пристально следила за ним.

– Да, приятно.

Сиам кисло улыбнулся в ответ. Протянул ей стебель. Девушка оживилась еще сильнее.

– Оставь себе. Хочу посадить какой-нибудь около дома.

Солнце поднялась и окинула взглядом полянку. Явно выбирала.

– Вот этот! Гляди.

Она сделала пару шагов. Нагнулась.

– Хочу желтый! – глубоко вдохнула, не срывая. – Точно его. Надо же с корнем пересаживать, да?

– Наверно.

– Пойдем обратно за ведром и лопатой.

Сиам стоял как вкопанный и отказывался верить происходящему. Глаза ясно видели полянку, на которой росла одна трава. Никаких цветов.

Видимо, у кого-то из нас крыша едет.

Солнце решительно пошагала в сторону дома. Сиам не двигался, держа в руке травинку.

– Идем.

Туловище само по себе повернулось. Ноги потопали сле-

дом за девушкой. Из дома они захватили пропахшее грибами ведро и лопату, закопавшую два тела.

Сиам брел за девушкой, все еще ничего не понимая. Руки несли утварь.

Спятил я, что ли?

Они вышли на поляну. Солнце сразу нашла свой желтый цветок.

– Сюда.

Командовала она. Глаза горели. Пальцем она наметила границы, где надо копать.

– Давай, вот здесь.

Сиам вогнал лопату в землю, все еще ощущая отголоски боли в кистях.

– Так, теперь с этой стороны. Аккуратнее!

Он бережно приподнял травинку с корнем и опустил в ведро.

– Надеюсь, он не успеет пропахнуть грибами.

Да ну. Может, она не серьезно? Шутит так. Или посттравматический стресс. Откуда я такие слова знаю?

– Сиам?

– Что?

– Ты не слышал меня? Вот здесь ямку выкопай.

Когда мы успели дойти до дома?

– Сиам?

– Что?

– Издеваешься?

– Прости.

– Выкопай вот здесь.

Он выкопал ямку посреди голой земли. Солнце бережно высыпала содержимое из ведра и подровняла ладонями.

– Вот, теперь пусть растет.

Из темной земли торчал жалкий тускло-зеленый стебелек.

– Мне кажется, он вырастит еще более красивым.

– Ага.

Девушка, очевидно, не могла налюбоваться этим творением. Сиам стоял над ней тучей. Она уселась на землю, уперевшись спиной о стену дома.

Что вообще происходит?

Сиам ушел на кухню. К воде. Умылся. Утолил жажду. Вроде пришел в себя. Но боялся выйти наружу и увидеть ту же картину. Прошел в гостиную и уселся в кресло.

Камин давно не топили.

Закрыв глаза. По векам забегали призраки. Силуэты призраков. Взад-вперед. Взад-вперед. Разум не прогонял их. Наоборот, с интересом наблюдал. Вдруг они что расскажут. Но они только молча танцевали. Вокруг вымышленного костра. Взад-вперед. Взад-вперед.

– Сиам?

Голос был где-то вдалеке.

– Сиам?

Он раскрыл веки. Солнце.

– Какой-то ты странный сегодня.

– Ага.

– Цветок прижился, растет.

– Какой цветок?

– Ты чего?

– А, цветок.

Вот черт, видимо, все же я тронулся.

Он шумно выдохнул.

– Так быстро?

– Ну да. Земля хорошая.

Страх сумасшествия пересилил тягу к истине. Он остался в кресле.

– Поесть бы.

– Да, пора.

– Откроешь?

Он спохватился.

– Конечно.

– Что с тобой?

– Ничего, нормально все.

Кисть машинально проделала операцию. Даже боль не почувствовалась. Она не достала до мыслей, витающих на высоте открытого космоса. Крышка отогнулась. Он протянул ей и открыл себе.

Солнце увлеклась игрой с цветком. Ежедневно сидела около него, что-то приговаривала. Поливала без конца. А Сиам не вмешивался в их отношения. Он теперь тоже видел цветок.

Солнце уговорила его сходить за новым. Видимо, одного ей было мало. Он нехотя согласился, захватив ведро и лопату. Девушка долго бродила и выбирала. Голубой. Травинка чуть повыше. Сиам молча выкопал растение и сложил островок земли в ведро.

Посадили голубой рядом с желтым. Вокруг них из-под земли начала проглядывать травка.

Наверно, скоро придется идти и в третий раз. Может, сажать не только цветы-травинки? Хоть польза будет.

Солнце поддержала эту идею. Она будто думала о том же самом.

Тропинка вдоль кромки леса уже проторена. В который раз они двинулись по ней. Первой шла Солнце. Сиам доверил вести ей. В вопросах садоводства девушка явно знала больше.

Она все шагала и шагала, даже не оглядываясь в чащу. Внезапно остановилась, самодовольно обернулась на Сиама и проскользнула в гущу стволов. Сиам двинулся следом, гремя ведром о жесткие ветки. Впереди мелькала спина.

Пара шагов. Куст. Красные ягоды.

– Быстро ты нашла его.

– Должен быть съедобным.

– Да?

– Смородина.

– Откуда ты все знаешь?

– Кажется.

Солнце сорвала ягоду и попробовала. Одобрительно кивнула.

– Смородина.

Они объели почти весь куст.

– Посадим у дома?

– Давай.

Сиам протянул несколько красных ягод девушке.

– Держи в руке.

Она едва сжала кулак и двинулась дальше. Почти сразу встретились белые грибы. Потом рыжие. Большие и мелкие.

– Прямо идиллия. Можно было бы и грибную поляну рассадить у дома, только я не знаю, как их сажать.

– Мы всегда сможем приходить сюда.

– Ты запомнила дорогу?

– Найдем.

Они побродили еще. В лесу свежее, чем в душном доме. Сиам глубоко вдохнул грудью.

Да, тут иной воздух. Живой. Вот бы остаться здесь. Какая ведь разница? Разве что в доме кровати есть. И еда. И вода. Стены. Нет, никуда мы не денемся из дома. Мы же люди, а не звери.

Солнце стояла напротив, озираясь по сторонам.

– А ты знаешь, в какую сторону нам возвращаться?

– Ты же вроде запомнила дорогу.

– Да.

Сиам усмехнулся.

– Примерно туда, – махнул рукой влево.

Оказалось не строго влево, а чуть в сторону, но к дому они вышли.

– Ягоды у тебя?

– Да, – она протянула ладонь.

Сиам воткнул лопату рядом с цветами.

– Здесь нормально?

– Да.

Выкопал ямку. Раздавил ягоды на ладони. Выбросил кожуру и скинул желтоватые семена в землю.

– Чем ты там поливаешь?

Солнце принесла кружку воды.

– Что ж, теперь ждать.

Грибов оказалось гораздо больше, чем в предыдущий раз. Они съели половину, мешая с говядиной. Вышло довольно неплохо.

Сиам взял нож и подошел к деревянному календарю. Двадцать четвертый день. Зарубка.

Черт, забыл отметить день смерти Юноны.

Сиам повернулся было к своей спутнице, но смолчал.

Вроде недавно. Тогда был второй цветок. Вот первый. Так. Двадцатый день? Или восемнадцатый? Да какая разница.

Он соскоблил Ю рядом с восемнадцатым.

Пойдет.

И оставшееся – НОНА.

На утро у задней стены дома крохотные желтые семена

разродились в пышный зеленеющий куст. Рядом округлые желтый и голубой бутоны свисали с толстых стеблей.

Поразилась даже Солнце. Ведь только вчера они бросили семена в землю, а уже сегодня красная смородина свисала гроздьями.

Сиам же до сих пор не мог понять суть таких перемен, но начал потихоньку привыкать. Земля такая. Плодородная.

Они обообрали куст. Целое ведро. И весь оставшийся день таскали ягоды.

– Наверно, стоит еще что-то посадить. Грибы отпадают.

– Найдем еще ягоды.

– Одними ягодами не пропитаешься. Картошки бы. Или мяса. А животных здесь нет.

– А вдруг завтра за домом появится картошка.

Но картошка не появилась. Вместо этого они нашли клюкву неподалеку от болота. И еще что-то черное, не могли разобрать. Но съедобное. На обратном пути Сиам случайно разглядел вьющийся вокруг толстого ствола горох.

В скором времени все это добро росло у дома. И каждый день люди выбирались за грибами в лес.

Кроме прогулок занять себя было нечем. Солнце убедила Сиама посадить еще цветов. Приходя на поляну, он каждый раз видел только траву и уже перестал недоумевать. Так нужно было. Он понимал, что на следующий день эти травинки превратятся в цветы. Как Золушка.

Через некоторое время позади дома разросся садик. Цве-

ты попеременно с ягодными кустами почти доходили до темных холмиков, заросших сорняком.

– Наверно, бессмысленно очищать их, тела уже съели черви.

– Ты вроде говорил, что тут нет живности.

Может, и не съели.

Солнце зачем-то взялась обрывать сорняк с могил.

Садик стал ее занятием. Она копошилась там целый день, наверняка даже заговаривая с растениями. И только изредка она разгибалась для перекуса. Казалось, ей больше ничего не нужно было. Казалось, садик даже помогал ей забывать, где она находится, и переносил ее в иной мир. Реальный мир.

Сиам ненадолго остался наедине с собой. Руки от тоски тянулись хоть к какой-то работе. Вспомнился ящик с инструментами. Внутри – лопата, ведро, топор. Топор. Сиам схватил его и направился прочь от дома.

– Куда ты?

– Рубить дрова.

– Но ведь мы давно не топим камин.

– Знаю.

Первое дерево долго не давалось, но наконец рухнуло. Пень оказался без колец. Совсем девственный.

Вроде бы кольца – это возраст. Так он новорожденный?

Сиам пялился на светлый пенек и размышлял.

Выходит, ты еще не познал жизни. Прости, друг.

Топор обтесал ветки с поваленного ствола. Порубил его

на поленья. Поленья на половины и четвертины. В несколько заходов Сиам перетащил все к дому.

Следующее дерево. Тоже без колец. На раздумья ушло меньше времени.

Видимо, они тут все такие.

Он пожал плечами и уже не отвлекался от работы.

Текли дни. Сиам перестал делать зарубки. Надоело. И не было смысла. Зачем считать время, если оно бесконечно? К тому же проем уже весь истерзан ножом. Места оставалось совсем мало.

Сиам решил рубить деревья издалека и срубить по ряду. По несколько часов в день он косил стволы, отчего ладони сильно огрубели. Около дома возвышалась громадная куча ненужных дров. Первый ряд закончен. Окраина леса отодвинулась на ширину ствола. Извилистая полоса пеньков приоткрывала темные заросли.

– Пожалуй, сожгу их.

– Что?

– Сожгу все до единого.

– Зачем?

– А на кой черт они нам? И без них душно.

Целый день он перетаскивал их подальше от дома. Куча больше походила на помойку. Да и была помойкой. Сиам разрыхлил землю вокруг нее, чтобы огонь не перенесся на дом.

– Что ж.

Зажег спичку и поднес к сухой коре. Потом с другой стороны. С третьей. Огонь занимался. Куча полыхнула, извергая жгучее тепло и столб серого дыма, растворявшегося в молочном тумане. Сиам снял намокшую футболку. Стоявшая рядом Солнце подвязала свою прямо под грудь. Он оглядел ее и усмехнулся.

– Жарко стало?

– Еще бы, такой костер.

Девушка поняла, к чему он клонит.

– Пойду к цветам.

– Да подожди ты, стой. Все нормально.

Крупницы пота медленно сбегали по ее белой коже. Она замечала его хищный взгляд, но не уходила.

Дрова полыхали, выбрасывая тонны тепла. Трещало дерево. Хрустело и сжималось. Гигант, снедаемый пламенем, становился карликом. А два человека безмятежно наблюдали за процессией. Куча чернела. Огонь стихал. Оставались только обугленные дровишки с посеребристыми краями, в которых еще играло пламя.

Сиам развернулся в сторону дома.

– Ты идешь?

– Куда?

– В кровать.

Она опустила глаза и поплелась следом, ощущая бешеное сердцебиение.

Всесильное пламя угасло. Огонь может все, но легко под-

дается внешнему вмешательству. Он выполнил свою роль. Более не нужен. Громада поленьев исчезла, словно никогда и не существовала. Только почерневшая от золы земля говорила о том, что здесь произошло.

На следующий день Сиам начал второй ряд. Потом снова сжег.

Месяц. Полгода. Год.

Разрастался сад. Редел лес.

Как-то раз, вгоняя топор глубже в ствол, Сиам услышал шорох. Услышал не сразу, витая в своих мыслях. Но, когда услышал, поднял голову и увидел дернувшийся куст. Уставился туда. Ничего. Повертел головой. Вроде все спокойно.

Виднелся дом, выглядывал садик. Но тревога не отступала. Настораживала тишина. Робкий ветерок скользил по листьям. Едва колыхались ветви. Словно что-то должно было грянуть. Вот-вот. Но ожидание затягивалось. Рука крепче сжимала рукоять топора. Нервозность не позволяла снова нагнуться и дорубить ствол.

Показалось, что мелькнул силуэт. Неотчетливо. Сиам вздрогнул.

– Джин?

Он шагнул вперед.

– Джин?!

Тишина.

Еще вперед. Руки раздвинули тощие ветки. Ничего. Только сгущающийся мрак в глубине. Он отстранился. В ушах

гудела кровь и перебивала все звуки, если они и были.

Сиам развернулся и направился к дому. Он бросил ствол с треугольным вырезом. И вообще весь ряд. Нарушил свое правило и оставил рубку, перебравшись на время в садик.

По вогнанному в землю колу плотно вился горох. Рядом Сиам вогнал еще два. Разрослись кусты смородины. А между ними красовались разноцветные бутоны.

В один из дней Солнце наткнулась в садике на неизвестный куст. Накануне это место пустовало. Но теперь возвышались несколько зеленых толстых стеблей. У подножия что-то торчало из земли. Желтоватое и крупное.

– Сиам!

– Да? – он лениво вышел на крыльцо.

– Картошка!

– Что?

– Картошка растет! Гляди.

– Быть не может.

Солнце выкопала клубни. Большие, в ладони помещалась только одна.

– Откуда они здесь?

– Ну, ты как-то говорил, что хочешь картошки. Вот.

– Трава превращается в цветы, картошка появляется, – промямлил он.

– Какая трава?

Сиам не ответил.

– Придется камин топить?

– Ну да.

Он скинул клубни в раковину и пошагал к куче дров.

Раз. Два. Три. Четыре. Давно забытый счет.

Сложил башенку поленьев на руке. Оторвал сухой коры.

– Надеюсь, дымоход чистый, – бросил он, проходя мимо садика.

– Разве есть разница?

– Может, и нет.

Кора зажглась с одной спички. Пламя вмиг разлетелось. Сиам ушел в кухню за кастрюлей. Еще ни разу они не использовали кастрюлю и даже не искали ее. На задворках все же завалилось подобие металлического ковша. С грязным налетом. Сиам помыл, как смог, и налил ржавой воды. Люди уже не обращали внимания на ее цвет.

Поленья как раз почернели. Можно было ставить воду. Он взял широкую кочергу, вогнал ее одним концом в выемку в задней стенке камина, а другой положил на железный стул. Сверху поставил ковш.

Вроде устойчиво.

Принялся чистить картошку ножом. Кисти трясло.

С чего бы это? Рано стареть. Все нервы. Картошка так подействовала. Соскучился.

Кисти торопливо тесали кожуру. От нетерпеливости Сиам резанул себе по пальцу, но не обратил внимания, замороженный предстоящим блюдом.

Вода закипала. Четыре почищенные картофелины опу-

стились в ковшик с бурлящей водой, почти не разбрызгав кипяток.

Все. Теперь смотреть. Кровь?

Поднес палец к губам.

– Ну как?

– Готовится.

– Что с пальцем?

– Порезался, видимо.

Солнце оглядела Сиама.

Встревожен из-за картошки. Какой забавный. Как-то под-сох за этот год. Или больше года. Сколько мы уже тут? Он сгорбился. Скулы начинают выпирать. Бородка неровными клоками. Как у алкаша.

Она улыбнулась.

Наверняка я такая же неухоженная. Приходится экономить консервы, что уж.

Вареную картошку быстро уплели. От ржавой воды она приобрела коричневатый окрас. Оба были счастливы вкусить крупицу чего-то прошлого.

– Теперь каждый день будем ее варить.

– Ага.

– Можно и пюре сделать.

– Можно.

– И пожарить даже.

– Прямо картофельный рай!

– Я соскучился по картошке.

- Оно и видно.
- Можно и суп сделать.
- Вода-то ржавая.
- А бутылки?
- Там для питья только. Их же немного осталось.
- Можно сварить суп для двоих.
- Подумаю.
- Умеешь хоть супы варить?
- Думаю, когда-то приходилось.

Время абсолютно потеряло свою значимость. За неимением событий, с которыми его можно увязать, оно перестало ощущаться. Два человека утратили связь с внешним миром. С прошлым. С будущим. Они жили тут, в своем маленьком мире. Про ушедших почти не вспоминали. Им и не было никакого дела до Джина с Флейтой.

Солнце ежедневно облагораживала садик. Она приноровилась орудовать ножичком – тем самым, единственным. Ножичком срезала сорняк, ножичком подравнивала листья, ножичком рыхлила землю.

Сиама вскоре снова понесло рубить деревья. А затем сжигать поленья. Ему даже пришла бредовая мысль, что гораздо проще пропускать стадию рубки и сразу поджигать лес, но он только посмеялся над своей затеей.

Еще не хватало весь лес сжечь и позволить болоту глазеть на себя.

Сиам иногда невольно припоминал те зеленые лица. Му-

рашки пробегали по всему телу. Его передергивало. Изо всех сил он отмахивался от этих мыслей и принимался рубить стволы еще упорнее.

Где лучше рубануть – ниже или выше? Прямо или под углом?

Сложные вычислительные операции происходили в его мозгу во время рубки. Геометрия, ботаника, опыт. Или только опыт. На глаз он определял оптимальную точку. Наточенное лезвие вонзалось в кору беспомощного дерева. Оно умирало зря. Его дрова сожжет помирающий со скуки человек. Может, раньше он был лесорубом?

Солнце постепенно расширила садик. Она самовольно уходила на свой цветочный островок и каждый раз возвращалась с новым цветком. Наверно, если бы можно было вырыть поляну целиком и посадить ее около дома, она бы так и сделала. А так она выкапывала по одному стеблю и переносила поближе к дому. На следующий день на его месте возвышался яркий бутон.

Прошел еще год. Или два. Или пять.

Консервы давно закончились. Теперь рацион составляло лишь то, что произрастало в садике. Картошка со смородиной. Горох с клюквой. Грибы с клюквой. Как только не исхитрялись люди. Хотя в этом и не было особой нужды. Еда давно потеряла вкусовое разнообразие. Или даже сам вкус.

Солнце сторбилась от каждодневной работы на земле. Сiam заметно осунулся. В неряшливой бороде мелькали про-

седины. Руки уже не позволяли намертво хватать рукоять топора и косить направо-налево крепкие стволы. Теперь по душе было просиживать на скрипучем крыльце и глядеть вдаль. Без толку тарашиться и сидеть без движения, пока спина полностью не онемееет. Часто и Солнце подсаживалась к нему, когда уставала. Они могли проводить так долгие часы. Знали пейзаж наизусть, но все равно наблюдали.

– Как думаешь, живы Флейта и Джин?

– Мне все равно.

– Я бы не удивилась, если бы они исчезли в этом тумане.

Но, скорее всего, просто погибли от голода.

– Не знаю. Видимо, так все и должно было случиться. Натуры наши проявились бы в любом случае, раньше или позже.

– Кажется, мы не застали натуру Гая.

– Он хотел казаться лидером, но его сломила бумажка. С настоящим лидером вряд ли так было бы.

– То есть?

– То есть его натура тоже проявилась. Он был слабым, –

Сиам усмехнулся чему-то. – Но он мне нравился.

– И мне.

– А Юнона?

– Сегодня день памяти? – губы его снова растеклись в улыбке.

– Просто интересно.

– Она была хорошей девушкой, – он выдохнул. – Знаешь,

а мне не все равно. Надеюсь, что Джин подох в муках.

Солнце промолчала.

– А моя натура?

– Что?

– Моя натура проявилась?

– Да, ты точно была учительницей начальных классов.

Она рассеяно посмеялась.

– Такая безобидная.

– Ага, и добродушная.

Помолчали.

– А ты?

– Я уж подумал, что не спросишь. Я до сих пор не знаю, кто я.

– Я скажу: ты определенно не хирург.

– Это мы выяснили, когда я заматывал тебе руки.

– Тогда выбирай любую другую профессию.

– Не хочу, мне нормально живется и без прошлого.

Она не ответила.

Казалось, к обоим подступала старость. Не тела, а духа. Дух стареет безотносительно внешнего облика. Стареет, если пропадает связь с жизнью. А люди обитали в коконе. Как мотыльки, которым никогда не суждено вылететь на свет бабочками. Кокон стал их домом. И казалось, что так и должно быть. День за днем. Месяц за месяцем. Время текло. А в груди все больше ощущалась пустота. Не было чего-то живого. Не было души и эмоций. Только механически билось сердце.

Тук-тук. Тук-тук. Разнося по артериям тупое безразличие.

Им никогда не снились сны. Глаза закрывались, отпуская тело в ночной полет, а потом раскрывались, когда спать становилось невыносимо. Часы лежания были всего лишь мигом забвения. Но однажды Сиаму приснился кошмар. Спустился столько лет.

Он лег в кровать. Рядом уже спала Солнце. Его рука занеслась над ее лицом. Пальцы коснулись лба и опустились ниже. Щека. Губы. Шея. Он замер. Глаза помутились. Что-то в мозгу щелкнуло и переключилось. Пальцы обеих рук вцепились в горло. Сжимали и сжимали. Солнце проснулась, хаотично размахивая руками и ногами. Лицо ее зарделось. На глазах выступили кровяные сосуды. Она хрипела, и сквозь этот хрип можно было бы расслышать мольбы о помощи. Если захотеть. Сиам не слышал ничего. Работали какие-то животные инстинкты, о которых он ранее не знал. Солнце колодила его по груди и лицу, но он отстранялся как можно дальше. Пальцы сжимались сильнее и сильнее. Тонкая шея. Как у лебедя. Такая хрупкая, что десятую пальцами можно придушить. Даже пятью. Он из любопытства убрал левую руку за спину и налег телом. Можно пятью. И тут его отпустило. Он взглянул чистыми глазами на жертву. Что он делает? Почему он душит? Солнце билась в конвульсиях, а Сиам все рассуждал о причинах, продолжая душить. Что он творит? Он вмиг отпустил руку. Солнце полной грудью вдохнула спертый воздух. Раз. Второй. Третий. Они встретились глазами. Его –

напуганные и бешеные. Ее – напуганные и кровавые. Прости – промямлил он. Она спокойно закрыла глаза и свалилась спать на бок. Сиам уставился на свои ладони. Покраснели от напряжения. Не тряслись, а были мертвенно спокойны. Только сейчас он заметил, что вокруг темно. От тела не падает призрачная тень. Он поднял голову к окну. Светило было закрыто иссиня-серыми тучами. Множественные капельки моросили по стеклу. Он подошел к окну. Кроны деревьев сгибались под порывами ветра. Конец света. Но Сиам отчего-то радовался ему. Радовался концу. Сейчас этот мир рухнет, и они попадут в настоящий, реальный. Человек стоял, а капли все падали на стекло. Неимоверная усталость почувствовалась внутри. Не дождавшись конца, Сиам стукнул пальцами по стеклу и улегся в кровать. Тоже на бок. И заснул.

Глаза раскрылись от света. Негаснущего света поганого светила. Сиам выпался, но чувствовал себя мерзко. Хотелось вернуться в сон. Он соскучился по дождю и ветру. По громадным тучам.

Не видеть бы больше этого мерзкого светила.

Он присел на кровати и поглядел в окно.

Солнце еще спит, наверно.

Живо представлялись капельки на стекле. Он протянул руку, как будто мог их потрогать.

Мерзотный край. Дрянь.

Он топнул ногой и тут же медленно обернулся на Солнце,

боясь, что разбудил. Она тихо лежала на спине. Побледневшая. С синими подтеками на шее.

– Черт.

Он таращился на подтеки.

– Мерзотный край.

Опустил глаза на ладони. Даже не покраснели.

Может, это не я? Да брось, кто же тогда.

Он поднялся с кровати, не смотря ей в глаза.

– Прости.

Спустился на улицу к ящику с утварью. Вынул лопату и стал копать яму рядом с двумя холмиками. Даже слезы не текли. Выкопал. Поднялся наверх. Стоял и глазел на труп, совсем не осознавая, что же произошло. Кажется, мозг перестал переваривать поступающую информацию.

В этот день он не смог прикоснуться к телу. Только сложился по дому, как лунатик. Сидел на крыльце и пялился в землю. В голове – пусто. По привычке он поднялся в их комнату и лег в постель. Трупный запах вмиг заполнил легкие. Он вспомнил, что рядом *она*. Отвернулся на бок и закрыл глаза. Не снилось ничего. Проснулся из-за того, что не мог дышать. Заложен нос. Покалывает в голове. Посидел на кровати, не думая ни о чем. Прошел до лестницы, не оглядываясь. Помнил, что *она* рядом. Вышел на крыльцо. Воздух на улице казался свежее обычного. Он просто стоял и вдыхал его. На глаза попалась выкопанная яма.

– Надо вынести *ее*.

Но он не двинулся с места. Долгое время стоял. Потом прошел в садик и сорвал пару ягод смородины. Запихнул в рот и тут же выплюнул. Не хотелось. Он не знал, куда себя деть. Отвращение наполняло грудь. Становилось пакостно. Хотелось бежать, но он не мог. Вместо этого без сил присел на крыльце.

Минул час.

Одиноко.

Два. Три.

А он все сидел. Не ощущал ни онемения, ни боли. Ничего. Пустота. Он был похож на графин, из которого вылили все вино. Графин, потерявший смысл существования.

Да пошло оно все. К черту.

Сиам подскочил. Метнулся в спальню. Взглянул в последний раз в *ее* глаза. Ввалил смердящее тело на плечо и побежал к яме. Скинул ношу, схватил лопату и начал судорожно закапывать. Снова эти бешеные глаза. Наверно, он даже не осознавал вполне, что делает.

Закидывал и закидывал землей. Получился неаккуратный холмик.

Да к черту.

Бросил лопату на землю и побрел прочь. Куда глаза глядели. Он не спеша волочил ногами, наверно, даже не замечая, что идет. Голова пуста, сердце не бьется. Он походил на лунатика. Только сон затянулся. Либо его просто забыли разбудить.

Сиам дошел до границы чащи. Повернулся в сторону равнины и уставился вдаль. Хотелось бежать туда. Там спасение. Но тело не сдвинулось ни на йоту. Нет сил. Он не побежал бы, даже если бы мог. Страшнее бежать, чем остаться. Плевать он хотел на спасение. Плевать хотел на все. Насильник он. А может, они все насильники?

Сиам простоял на месте очень долго. Наверно, в нормальном мире уже начало бы смеркаться. Он закрыл глаза и припомнил тучи, ветер и дождь. Старался ощутить дуновение и капли на себе. На лице. Но только губительная духота окружала его. Увидит ли он когда-нибудь ливень?

Сиам открыл глаза, зная, что разочаруется. Потоптался на месте и направился обратно к дому. Машинально прошел до кровати и бухнулся в нее. Снова эта жуткая усталость.

Проспал он долго. Вероятно, целый день. Раскрыл глаза, но остался лежать на животе. Как и заснул. Не ощущался голод, хотя ел он давно. Не ощущалась жажда. Он тупо уставился в стенку. Вскоре замерцали искорки, поплыли линии, вырисовывая круги. Закружилась голова. Его затошнило, хотя желудок был пуст. Только скупая желчь вытекала изо рта. Он подошел к краю кровати, свесив голову. Слюна стекала с нижней губы на деревянный пол.

Сиам не встал с кровати, от слабости вскоре вновь провалившись в сон.

Еще день. Организм не просил помощи.

Сиам почти не ел. Кушал только тогда, когда тело ныло.

Бродил вокруг дома, совсем не работал. Садик потихоньку зарастал. Цветы и плоды начинали вянуть. А Сиам только окидывал их пустым взором.

Одиночество давило. Жизнь давила. Однажды он даже побрел было к болоту, но развернулся еще до того, как вошел в чашу. Этот отчаянный жест ничего бы не дал.

Тоска снедала его покарябанную душу. Подолгу Сиам просиживал на крыльце, бездумно наблюдая за кронами. Он полностью уходил в себя, не реагируя на внешний мир. В такие моменты тело его напоминало мертвую глыбу.

Сиам устал. Устал нести бремя бесполезной жизни. Ложась спать, он отчаянно надеялся, что на утро не проснется, – тогда душа и разум его будут свободны. Он встретится с Юноной, с Гаем. С Солнцем.

И зачем он убил ее? Ни разу он не задавал себе этот вопрос. И ведь даже не сомневался, что его руки придушили Солнце. Он знал, что это сделал он. Может, так и должно было случиться?

Однако утро наступало. Он раскрывал глаза после глубокого сна и вяло отгонял приступ апатии, терпеливо дожидаясь конца наступившего дня.

В одиночестве время течет неумолимо медленно. Прошла та стадия, когда он не знал, куда себя деть. Сиам устало садился, где хотел – был ли это потрепанный ковер в гостиной, ветхое крыльцо или сухая земля, – и ждал. Молчаливо. Он стал средоточием ожидания. Не разговаривал с собой. Не

мыслил. Не хотел. А покончить с жизнью не хватало воли.

Внутри зияла пропасть. Он не понимал, большая она или маленькая, слева она или справа, но это была пропасть. Как хитрый враг, намеренно выдающий себя. Чтобы противник знал, боялся и не находил сил что-либо противопоставить.

Сиам просыпался с этой пропастью. Кормил ее своим телом. Привык к ней. Постаревшее на много лет тело отказывалось быть проводником жизни и доверилось пропасти. Лишь изредка Сиам противился всепоглощающей тоске и бродил по зарастающему садику. Там было спокойно. Его личный Эдем. Его рай. Застывший здесь приятный аромат трезвил помертвевший ум, выуживая из закровов хоть какие-то воспоминания. Иссушенные губы размыкались с томным выдохом.

Как-то поверх завядших кустов он увидел силуэт. И тут же обомлел.

– Джин?

Он сощурил глаза. Силуэт стоял прямо у кромки чащи.

Нет. Не он. Лицо знакомое.

Ноги оцепенели, однако его тянуло вперед, к силуэту. Даже если это и был мираж. Человек поманил рукой и скрылся между деревьев. Сиам, потеряв остатки рассудка, побежал по кустикам и бутонам к месту, где тот стоял. Огляделся, тяжело дыша. Никого. Шагнул в чащу.

Руки нервно раздвигали кусты, царапающие кожу. Каза-

лось, впереди мелькала чья-то спина. Сиам бездумно проди-
рался дальше. Лес сгущался. Сырела почва под ногами.

Снова показалась спина. Он был рядом!

Деревья словно расступались. Зыбкая земля. Грязь. Сиам
обогнул широкий ствол. Силуэт оказался прямо перед ним.
В темноте. Поманил рукой. Ноги Сиама шагнули. Еще.

Лицо знакомое, но молодое. Моложе моего.

Ботинок завяз в грязи. Сиам опустил голову и поерзал но-
гой. Вытащил. И остался один. У болота. Злополучного бо-
лота с зелеными лицами.

– Я ведь зарекся сюда ходить.

Он беспомощно огляделся. От слабости даже слезы не
удержались в глазах.

– Мираж, чертов мираж, – пролепетали губы. – Сколько
можно меня мучить, – голос становился тише. – Я ведь устал.

Нечто всплыло в памяти. Дежавю. Странное чувство. Что-
то вертится на языке, но никак не хочет произвестись.

Он пересилил себя и заглянул в болотистую массу. Тела.
Парами и отдельно. Всплывшие и набухшие. Потерявшие
цвет и человеческий образ. Разлагавшиеся лица. Голые спи-
ны. Руки и ноги в неестественных положениях. Заглянул уже
без отвращения.

Что-то вертится на языке.

– Это.

Сиам сощурился. Раскрыл рот.

– Это я.

Глаза увлажнились сильнее. Руки безжизненно повисли вдоль туловища.

– Я сделал это.

Тусклые воспоминания. Не хватает света, чтобы различить. Но разум уже понимал. То, что вертелось на языке, постепенно выползло наружу.

– Я убил их.

Вялая рука поднялась. Указательный палец проводил по очереди с трупа на труп.

– Гай. Джин и Флейта. Юнона. Солнце. Это все я.

Соленый ручеек сбегал вниз и скрылся в седеющей бороде.

– Но как? Я же видел...

Воспоминания прояснились. Картинки из другого мира. Но с теми же знакомыми лицами. Слабый парень, алкоголик. Заносчивый и наглый молодой человек. Его спутница, перенявшая все мерзкие черты своей половинки. Смышленная девушка, ставшая легкодоступной. И последняя – до смерти робкая и этим самым притягательная.

Он – Сиам – убил всех.

Нет, не Сиам, а другой. Не стоит чернить это имя *им.* Он убийца, преступник и насильник. Это все *он!* Такому нет имени. Сиам любил их, а *он* подлец. Мерзавец! Да, *он* убил их всех. *ОН!*

Ноги сами понесли прочь. К дому. Ветки цепляли и кололи. Кусты больно врезались в кожу. Прочь.

Тело грузно свалилось на крыльцо. Кажется, ступеньки не скрипнули. Хотя бремя убийцы было тяжелым. Пустой взор тарачился в никуда. Душа окончательно покинула тело. Пропась стремительно ширилась.

Я убийца. Я убил. Я убийца.

Вечность просидел *он* на ступенях. Внезапно уши слышали какой-то треск. Не придав этому значения, *он* продолжал пялиться в землю. Треск усиливался и приближался. Тарахтение стало таким невыносимым, что раздосадованный человек поднял голову.

Подъезжающий грузовик.

Тело вновь оцепенело, и только глаза следовали за крутящимися колесами старого грузовичка.

Снова мираж.

Колеса остановились. Из кабины выпрыгнули двое молодых людей и направились к *сидящему*. *Тот* не сводил с них глаз. Сквозь рой закостеневших мыслей просочилось воспоминание: те же два молодых человека вышли тогда с крыльца и сели в кабину старого грузовичка, оставив шесть человек, казалось, навсегда. Они ни капли не изменились.

Молодые люди подошли вплотную и пристально разглядывали *человека*.

– Годы потрепали тебя.

Ответные слова не лезли с языка. И лишь немощные выдохи заменяли их.

– Пойдем, нам велено забрать тебя.

Увлажненные глаза жалобно перескакивали с одного на другого.

– Идем, старик, пора.

Двое подхватили ватное тело под руки и повели к кузову. Помогли подняться и усестся. Кузов был полностью открыт, как и тогда. Явственно всплыли все события первого дня.

Двигатель надрывно затарахтел. Колеса забуксовали и нехотя покатали машину вперед. Двое в кабине громко гоготали.

Словно ничего не произошло. Совсем ничего?

Растерянными глазами *человек* попрощался с каменным домом. Проводил чашу, туман, тусклое светило.

Гай. Солнце. Юнона. И Джин с Флейтой. *Он* убил их. Давно. А здесь прожил с ними жизнь.

Грузовичок бойко неся по тропке, уверенно проходя неглубокие ухабы.

Нервная улыбка просочилась на потрескавшихся губах, сокрытых седеющей бородой. Пустой взор тщетно искал ответ.

Я жил или не жил?